

БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОЙ
ПОЭЗИИ

Сергей Дуванов

СЕРГЕЙ
ФИЛАТОВ

свет отражённый
стихотворения

издательство
МАМАТОВ®
С.-Петербург 2016

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ф 51

Филатов С. В.

Ф 51 Свет отражённый: стихотворения / С. В. Филатов. — Санкт-Петербург: Издательство «Маматов», 2016. — 232 с.

В книгу избранной лирики Сергея Филатова «Свет отражённый» вошли стихи из предыдущих изданий автора, вышедших за последние три десятилетия, а также новые произведения писателя. Издание дополнено размышлениями о творчестве С. Филатова известного поэта и литературного критика Нины Ягодинцевой, а также выдержками из рецензий на предыдущие книги автора и писем собратьев по перу. Рассчитано на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-91076-041-1

© С. В. Филатов, 2016
© ООО «Маматов», 2016

СТРАНА ОДИНОКОГО СНЕГА

Пожалуй, как нигде в столицах, традиционная поэзия органично развивается и естественно востребована в провинции, где человек по-прежнему близок к природе. Музыка слова здесь созвучна ветрам и водам, а смыслы прочно связывают крохотное и краткое человеческое существование с бытием безграничного, бесконечно сложного Мира, законы которого мы едва-едва начинаем постигать. Традиция здесь не застывшая форма, не привычная колея, — она насущна и потому органична, она не ломает пульс жизни в угоду сиюминутному новому, но стремится осмыслить это новое, принять его и сделать частью бытия, не разрушая жизненных основ.

*В чаду вороньем, в чёрной пене ли
Шёл некий год. И гулы шли.
И нарастал закат империи
Багровой глыбою вдали.*

*И в некий час ударил колокол,
Раскальвая небеса.
И всё осьталося осколками,
В которых август угасал.*

*И в золото, было уж зачахшее,
Тоской высокою вплелись
И благородство, и отчаянье...
И первый холод от земли...*

Стихотворения Сергея Филатова — напряжённый труд соединения трагически рассыпающегося человеческого мира в лоне Мира незыблемого, гармоничного, непостижимо вечного. В этом, собственно, смысл поэзии — сегодня только ей, осмеянной, «мо-

дернизированной», разъеденной кислотной иронией, оболганной бесконечным пустословием, — только ей единственной всё-таки под силу восстановить внутренний космос человека, а значит, и весь человеческий мир вокруг него.

Те «якоря», пусть крохотные, но зацепки, пусть тонкие, но живые связи-смыслы, которые выстраивает сегодня — как и всегда — поэзия, удерживают человека и человеческое от распада. Поэзия бьётся за них до последнего дыхания, но когда доходит до предела и последнее — открывается дыхание второе, иное, начинает звучать иная сила, концентрирующая в человеке огромные пласты времени, память народную и память языковую.

*Ночь города в окно посеяна
С есенинской похмельной нежностью,
Раскинуто бельё постельное,
Как Русь безропотная, снежная.*

*Возможны ли другие ценники,
Когда и дверь разбойно взломана!..
И самые глухие циники
Лишь ухмыльнутся: — Нецелована!*

*Что мне до них! Я сам пожалован
В жестокий чин душеспасителя.
Я, как Москва, горю пожарами —
Не за Россию, за спасибо...*

В лучших своих стихах Сергей Филатов одновременно и современен, и традиционен. Современность его — в ощущении мировых трещин и разломов, в осознании великих потерь, в естественной, вполне понятной растерянности перед ужасом времени. Традиционность — в спокойном мужестве преодоления, в лирической силе сочувствия и сопереживания, в могуществе любви и прощения. В той вере, которая одна способна преодолеть отчаянье.

*Слово, как влажную марлю, прикладывать
На оголённую рану вины...
Вечер, наполни мне сердце прохладой
И успокой меня светом иным.*

*Всё это больше, чем миг отречения
От непосильного счастья в миру.
Время, открой мне исконность речения,
Чтобы понять, что и впредь не умру.*

*Золотом осени, тихой отрадою
Ты осени мою душу и плоть,
Тихий раскидистый клён над оградой...
Видишь, как мало мне надо, Господь!*

Не случайно в лирике Филатова мощно прорываются есенинские мотивы — тому причин множество: и времена рифмуются, и темпераменты родственны, и душевная боль за век не только не утолена, но стала глубже и горше... Сам лирический герой книги прямо говорит об этом родстве, и оно воспринимается как знаковое и значимое. Не подражание — бессмысленно подражать Есенину! Не продолжение — кому было дано сказать, тот всё сказал! Именно родство, родовая память, родовые черты.

В поэтическом космосе Филатова, в полном согласии с традицией, гармонично сведены, а зачастую и неразрывно слиты малое и великое, как, например, жилы и реки: «Невозможно остаться никем. // неизбежно — остаться. Диктую // По скрещению вен на руке, // По слиянию Биш с Катунью...» — и здесь сами упругие, мощные названия рек — имена их — словно вливают в кровь силу! И внутри метафоры безнадёжности закономерно рождается незыблемая надежда:

*Видишь, лужи стянуло льдом,
Как глаза во хмелю.*

*Чей там дом? Да не мой ли дом?..
Кто там спит? Да не я ли сплю...*

*На чужбинах родной страны
Разметало мой путь земной..
А поля ещё так черны,
Так пусты поля...*

Как весной.

В одном из стихотворений «Светлой книги» есть образ «*страна одинокого снега*». Этот образ можно счесть и парадоксально-случайным — ведь дальше автор добавляет: «*тоски одичавшей страна*». Но мы рискнём определить его в качестве парадоксально-ключевого, в какой-то степени дающего нам разгадку характера и судьбы лирического героя, которого мы рискнём назвать народным.

Сегодня слово «народный» стало синонимом то ли научному «фольклорный», то ли почти ругательному «простонародный» — нищий, растерянный, убогий... Лирический герой Сергея Филатова народен в ином, парадоксальном смысле — как «одинокий снег» — то, чего много, то, что ощущает себя целым, таковым вроде бы и не являясь, то, что более относится к природным стихиям, чем к миру сугубо человеческому (социальному), и подчиняется Божьему соизволению, а не случаю или произволу. Смысл «одиночества» здесь более личностен, чем трагичен, хотя и сила трагизма ощутима почти в каждом стихотворении.

*Февраль обложил, что тоска вечерами —
Когда одиночество душу не греет.
Сто первая вьюга погост затирает,
А сотая вьюга под снегом стареет.*

*И поле за логом безмолвно, как Слово,
И даль за обрагом пуста и бездонна...*

*Всё глубже морщины, всё дале былое.
Ладонь разжимаешь...*

И пусто в ладони.

Снег. То, что есть, – и то, чего нет буквально через мгновение. То, что застигает, стирает – и одновременно обновляет, питает, дарит надежду. Это один из магистральных образов для Филатова, образ, через который многогранно выражается мироощущение поэта, а за многогранностью совершенно отчётливо ощутима внутренняя цельность личности, позволяющая ей быть мгновенно изменчивой в состояниях и неизменной по сути. Буйная буря и замирание в радости, стойкое мужество и непостижимая нежность, пьяная удаль и вековая вина – всё суть разные состояния, испытующие дух, и надо через них пройти, чтобы увидеть:

СНЕГОПАД

*Пахнет небом и ладаном
Вне пространства и времени.
Так приходят на кладбище
И приходят к прозрению.*

*Как отчётливо дышится
И замедленно тянется!..
Оборвётся, и лишнего
Ничего не останется...*

Мгновенье, когда обрывается дрящееся состояние, чувство очищения и обновления приходит пронзительным мгновением весны, свет (снег) уходит во тьму (землю) и тьма становится светом, а начало нового жизненного круга – исповедью:

*Светоносная, первая, тайная,
Словно чудо в порочном кругу, –*

*Замерцала на склоне проталина
Робкой свечкой в глубоком снегу!*

*Или жизнь мне прирезилась сызнова...
Или радость земного тепла
Тихой девочкой в чёрной косыночке
Исповедовать душу пришла.*

Тем и отличается сегодня традиционная поэзия от трагически осовремененной, что она сохраняет в себе меру вещей и явлений, их гармонию, соответствие. И крайности в ней не вступают в противоречие друг с другом, они суть магнитные полюса целого, между ними рождается могучий ток жизни. Он может ослабевать, а иногда кажется, что исчезает и совсем, но таково родовое свойство русской культуры — как только восстанавливают свой смысловой заряд полюса, ток заново обретает силу...

Ведущие темы творчества Сергея Филатова — жизнь, любовь, смерть. Они более чем традиционны, но в истинной поэзии должны наполняться личным содержанием так плотно, чтобы каждый раз становиться открытием. Ведь каждый из нас, пишущий, читающий или просто живущий, сталкивается с этими понятиями сам, лично, без посредников, в первый и в последний раз. И единственно возможная «территория новизны» — личное осмысление жизни, любви и смерти в границах данного времени и в пределах страны, где суждено родиться, любить и откуда рано или поздно надо будет уйти.

*Вёсла ложатся короткими взмахами
В тёмную воду. Глухая пора.
В тёмной рубахе, застёгнутой наглухо,
Сумерки сводят коней со двора.*

*Утром хозяин проспится и хватится —
Пустошь похмелья да холод с реки...*

*Что-то недоброе есть в волховании:
В звуках приглушенных, в чреве строки...*

*Будто готовится мутное варево
И замышляется тайное зло.
Знаешь, мне страшно с собой разговаривать
И понимать отчуждение слов.*

*За полночь. Кто-то невидимый ахает.
Вечности близкой темнеет нора.
Время уходит короткими взмахами.
И на земле — ни кола, ни двора...*

И всё-таки ведущими, главными, на наш взгляд, для поэта являются не темы, а сама музыка речи, которая естественно рождается из глубины дыхания, из тока крови по жилам. Эта музыка свободна в пределах классической формы, но столь же естественно она может приближаться к почти разговорной ритмической вольнице. Филатов любит свободные рифмы, усечённые созвучия, он не скован поэтическим метром. Все составляющие стиха служат одному — внутренней правде слова:

*Свет очищенный, свет дочерний,
Августовский прохладный свет...
Так душа плывёт по течению,
Так внимают листве.*

*Эти дни отстранено синие
Отрывают взор от земли.
То ломая, то строя линию,
Журавли летят...*

Стихи эти надо воспринимать в их естественной форме существования — как речь не письменную, а в первую очередь звучащую и творящую. Их мелодическое звучание пробивается и сквозь печат-

ную — бронированную! — форму, требуют проговаривания, радости говорения в едином ритме с сердцем и Миром.

*... С Крещенья ещё не спадали морозы,
И все в куржаке вдоль дороги берёзы.
И чудится, эти морозные кроны —
Не кроны совсем, а застывшие звоны,
Тряхни — зазвонят, серебром облетая...*

*А ближе к апрелю — и сами оттают,
Наполнившись радостной, талой весною
И силой живою, и силой земною...*

Проговаривание вслух — заговаривание, заволакивание речью — умиряет боль, утишает сердечные смуты, и верится, что к этим строчкам прислушается сама жизнь, помедлит, опомнится — и вернётся в свои берега, и двинется в путь, уготованный ей Богом.

*И облака — в миру паломники —
Вновь обозначат мне мечту.
И снова май в душе надломленной,
И снова яблони цветут.*

*И снова яблони венчаются,
Как в детстве...
Как благая весть,
Свет радости и свет печали —
Сливаются в нетленный свет.*

*Надломлено — не значит сломано.
И светлых яблонь торжество
Едино, — будто в слове «родина»
Смелись сиротство и родство.*

Нина Ягодинцева,
Челябинск

Дур световой, а стир а тонак,
Нронак за ранний поупарак,
Тде в кельвех бара, свеж и сток,
Маленька лангвешевый рай.

И словно убодав ма зами
Внрлве, вояль, а не во сне,
В немом оцененва замир
Инокривея тишине.

Как бужта попал: так бавляет
В асестах, где лангвеша цветут,
Ито резкий свет не открывает,
стихотворения сому.

Из книг
«ДЕРЕВЬЯ», «В СВЕТЕ УЧАСТИ ЗЕМНОЙ...»,
«ТВЕРСКОЙ, 25, ДОБРОЛЮБОВА, 9...»

---

* * *

Ну, вот и февралю настал черёд лиять.
Чернеют на снегу проталые нарывы.
И скоро наконец порадуют меня
Пернатая весна и толчея на рынке.

Карманы площадей и улиц закрома
Ещё хранят в себе останки зимней вьюги.
Но слух уже прошёл: вчера мятежный март
Ходил по деревьям и полошил округу.

Почуяв, что грядёт, — нагтели воробьи
И рассуждали вслух о близкой перемене.
И рваные края глубокой полыньи
Наметились уже в февральском низком небе.

* * *

А жизнь оптимистична, чёрт возьми!
Всего-то март, четвёртый зимний месяц..
А воробьи прозванивают мир,
И весело звенит в карманах мелочь.

Я на углу возьму цветов-гвоздик
У полусонной, хмурой, толстой тётки
И брякну ей:

— Мерси, я ваш почти!..

И тётка удивится полусонно.

Я ничего-то ей не прояснил

И ладно, пусть..

Явлюсь к тебе крылатый.

— Весна, — скажу, — весь мир вокруг звенит!

Устало спросишь:

— Что с тобой, Филатов?

* * *

Звонкий говор сорок разносится...
Бесшабашная жизнь моя! —
Околесица, чересполесица...
Эх, апрельская колея!

Роща белая с чёрным выкриком
Молодых на хмелю ветвей.
И весеннее — гулким выстрелом
В голове звенит...
В голове.

Колобродит, вскипает, пенится
По оврагам, в ковше, вокруг!..
Мне не часто бывает песенно,
Чаще грустно, мой милый друг.

Но сегодня нежданной вестницей —
В небе тёплая польнья!
Трескотня сорок. Околесица.
Бестолковая жизнь моя...

* * *

Смотри, проклюнулась капель,
И раскололась глыба звука!
Опять толкаемся в толпе,
Как будто ищем пятый угол.

Всё воскресает на земле
Из безвременья и покоя.
И в рваном ватнике полей
Апрель выходит из запоя.

Нам, порознь пережившим сон
Февральских выюг и чёрной стужи,
Не хватит самых вечных слов...
Но больше нам никто не нужен.

* * *

Оттепель. Кот на окне
Мирно соседствует с кактусом.
Греется дед на бревне
В белых залатанных катанках.

Сушится ватник отцов,
Носится пёс за оградою.
Тихо вхожу на крыльцо,
Гость долгожданный-негаданный.

Топится русская печь –
Милая, добрая, старая!
Слышится мамина речь...
Оттепель – сердце оттаяло!

* * *

Сколько помню бабу Надю — всё болела,
Всё лежала, вышивала кружева.
От её работы в горнице светлело,
А она не уставала вышивать.

Сколько помню, всё она молчала,
Вышивала белым-белым кружева.
Так до самой смерти не вставала,
Тихо и спокойно умерла.

Сколько помню бабу Надю — всё лежала,
Всё чему-то улыбалась и ждала.
Только лет тогда мне было мало...
Есть у мамы скатерть в кружевах!

* * *

За паромом женщина кричала...

О. Варнаков

За паромом женщина кричала,
Словно бы судьбу свою звала...
В мире много места для печали,
В мире мало места для тепла.

Оттого так ветрено и сыро,
И знобит осенняя вода...
Ни покоя в мире нет, ни мира
Для души, брошенной сюда.

Безответен крик, сносимый ветром —
Всё чужое мимо унесёт:
Мир широк... широк и безответен
Для чужих печалей и забот.

В этой жизни зыбкой и порочной
Жить спешим: палим, поём и пьём.
Только кто-то вскрикнет за паромом
О чужом...
О личном...
О своём...

Мой путь лежал за дальний окоём,
где паводок луга в низинах залил...
Цыган-пастух просил продать ружьё,
стреляя вороватыми глазами.
Его собаки ластились к ногам,
гудели ноги, тело сладко ныло,
теплом и сном тянуло от огня...
Цыган буквально осаждал меня,
наверное, ружьё его пленило.
Приклад он гладил, как свою жену,
и, зависти горячей не скрывая,
ружьё к себе настойчиво тянул...
Но я молчал, как путник на привале.
Он цокал языком, глядел в стволы
и целился в закат под срез по центру.
И горячился, и ружьё хвалил,
и назначал неслыханную цену.
Но расходились каждый при своём...
Цыган, цыган, плохое чувство зависть!
Да и зачем, цыган, тебе ружьё,
когда ты душу вывернешь глазами!..

ТАЁЖНОЕ

В беде не лицемерят и не лгут...
Пускай порыв мой десять раз нелеп —
Я подал руку своему врагу
И разделил с ним свой костёр и хлеб.

Но не пытайтесь нас объединять:
Мы дале спор продолжим вековой, —
Мой враг обсох у моего огня,
Мой враг окреп от хлеба моего...

ХОЛОДНОЕ УТРО

Туман залез под ватник в рукава,
Ладонями дыхание разминаю...

Наверное, ты всё-таки права:
Мы часто всею душою поминаем,
Когда скребём куском карандаша
Свои слова, похожие на рифмы.
И кажется, что вот она душа,
А на поверку — как-то сиротливо:
Одни слова, конструкции из слов,
Пустые и надуманные звуки...

Здесь всё не так: в костёр подброшу дров
И буду греть озябнувшие руки.

* * *

Друг мой, нынче опять не поётся..
На руинах бывшего огня
Одинокое слово прольётся,
Но уже не коснётся меня.

За грехи всё взыскалось стихами.
Всё прошло сквозь гульбу и пальбу —
Только Родины лик бездыханен
И красив, как покойник в гробу.

Шелестят, облетая, страницы —
Летаргия великой страны.
Время кончилось?..
Или всё длится
Неизбывное чувство вины?..

* * *

Друзья уходят понемногу
Куда-нибудь, где подадут...
И хорошо.

И слава Богу,
Что мысли с чувствами в ладу.

Что я покуда верю в завтра
И что-то пробую сказать.
Что мрак обиды мне не застит
Сплошнойю пеленой глаза.

Что так покорно ниоткуда
И в никуда летит листва.
Что с точки зрения Иуды —
Он никого не предавал.

Что август-месяц на ущербе
Наивен, словно первый снег...
Что зреет осень всепрощенья
Не то в миру, не то во мне.

* * *

Гроздь рябины кроваво-чёрная,
Куст разорванный на ветру...
От любви такой можно чокнуться,
Если раньше вдруг не умру.

Ты не думай, я не отчаялся,
Просто времени польнья
Поглотила всё изначальное,
Даже память, и та — ничья.

И брести переулком осени
Мимо окон чужих домов...
Всё равно не напиться досыта
Дымом родины, как тюрьмой.

И глядеть отрешённо издали,
Разучившись страдать в миру.
Кто-то хлеб мне протянет искренне...
Только я не возьму из рук.

* * *

Как мало от всего осталось!
Слетает лист. Чернеет куст.
Я полюбил твою усталость.
И осень чувств.

И скорую печаль разлуки,
И близкий холод от земли.
Слова ушли. Уходят звуки.
И журавли...

Молчи! Всё сказано. Так много
Напрасных слов, минувших лет...
Так начинают верить в Бога.
И видеть Свет.

* * *

Ещё безлюдно. Нет добра и зла —
Всё слишком зыбко или слишком рано.
И тропка незаметно увела
За молчаливый белый остров храма.

Чиста ограда. Прибрано кругом.
Речным песком посыпана дорожка.
И нет ещё ни сроков, ни долгов, —
Как нет в своём Отечестве пророка.

Совсем не обязательно дышать,
Когда душа и мир живут в покое.
И, словно не решаясь сделать шаг,
Склонилась над тобою колокольня.

* * *

И утро чудесное, словно —
Чуть-чуть... невзначай... в полусне...
И мир, не встревоженный словом,
Непуганый, точно птенец...

И вся — от начала — дорога,
Возникшая вдруг, невзначай...
Умение слушать — от Бога —
И вместе, — уметь молчать...

Что? — вслух изречённые мысли
Кого-то спасли от беды?..
И в спорах — рождение истин:
Извечных. Избитых. Седых...

* * *

Я соберусь. Но хлеба не возьму.
Мой пробил час. Но твой приход возможен.
Теперь, окрест, к приходу твоему, —
Мир угловат, пуглив и осторожен.

Ночные травы помнят и хранят,
Они молчат. И ты прими на веру:
Узнав меня, ты сам есть часть меня.
Меня простив, развей мой прах по ветру.

Забыв меня, ты больше и сильней,
Твой час пробьёт. Ночные травы помнят.
Они вернут всю память обо мне
В твою, для сборов выбранную, полночь.

Но, собираясь, хлеба не бери...

* * *

Над захолустной нищей грустью
Такая боль, такая высь
От этой беспросветно-русской,
От этой жуткой синевы!

Желать бы славы или смерти,
Вообще чего-нибудь желать...
Но есть ли в этом мире мера
Для уходящего тепла?

Искать во всём корыстной пользы —
Увольте!.. Будто лик святой
Чернеет Русь осенним полем,
Избой, иконою, крестом...

* * *

Юрию Слаженикину,
инвалиду иткульского спиртового «фронта»,
посвящается...

Спозаранку. С утра. Каждодённо. —
Вдоль по трассе сугробы стеной...
— Как дела?
А в ответ: — Не дождётесь!
Только поле да ветер хмельной.

Вот и снова в кювет залетели!..
Только всё нам с тобой нипочём,
Знаем мы эти вьюги-метели...
Взмах руки: — Да и хрен с ним, с плащом!

Да и хрен с ним! — С бураном. С морозом.
С жизнью нашей, до смеха дурной...
Коли уж невозможно тверёзым, —
Так и быть, разливай по одной.

А без юмора, Юра, каюк нам,
Как без водки нам, Юра, беда...
Вот и «кинули» нас с тобой, Юра,
Жаль, понять не успели — когда...

Опять народ толпится в храме
И ставит свечки, крестит лбы.
Опять трёхцветным стало знамя.
И в моде старые гербы.

И всё — как встарь. Кричат газеты,
Что скинуты большевики.
И люди эти так одеты,
Как будто вправду казаки.

Всё как бы встарь. Всё как бы... Кроме
Того, что нам не хватает мест.
И что-то слышится воронье
В зловещей этой кутерьме.

Вглядись! Вокруг одни осины.
И нет креста. И жжёт вина.
И, может, не было России...
Но как тоска по ней сильна!

* * *

Усталые глаза моей соседки
Суши, не избалованы слезой.
К ней пьяный бог приходит в воскресенье
И пахнет потом, водкой и кирзой.

В её глазах усталых отражаясь,
Он рядом спит, вздыхая и сопя.
И тем невольно вызывает жалость
И выдаёт присутствие себя.

Наутро он уходит виновато
С похмельной и гудящей головой, —
Рыть на народных стройках котлованы
При помощи лопаты штыковой.

И каждый раз, споткнувшись в общих сенках,
Находит силы пару слов связать...
Соседка верит только в воскресенье,
И у неё усталые глаза.

* * *

А я как дурак на гребёнке
Обязан кому-то играть.
О. Мандельштам

Глядеть на весёлые цены,
В весенней теряться в толпе.
И слушать, как нищий у церкви
Грошовую ловит капель.

За все мои лучшие строки
Никто не подаст на винцо.
И всякий холуй перестройки
Мне сыто икает в лицо.

Кто платит, тот сам выбирает
Забавы по вкусу себе.
Шуты на свистульках играют:
«Вы жертвою пали в борьбе...»

Ручьям и воронам раздолье,
И радость народу, когда
Есть дамы с мужицкой ладонью
И возле пивной господи!..

И только во взрослом ребёнке
Нет трезвому места уму —
Зачем как дурак на гребёнке
Я не подыграл никому?..

Сергею Гонцову

Метёт позёмка с поволокой.
Темнеют лики на стене.
Наверно, ты теперь далёко
И, может, вспомнил обо мне.

В моих снегах уединённых
Покоя тоже нет душе —
Метёт. Тревожные знамёна
Встают на дальнем рубеже.

Опять на белых и на красных
Готова расколоться быть.
Сергей, мне страшно! Очень страшно —
Куда нас гонит ветер судьбы?!

Пишу, поскольку нету боле
Иной надежды на исход...
Пускай тебя в твоей юдоли
Хранит Господь!..

И коль случится, что навеки
Нам свидеться не суждено —
Твой чудный свет высокой веры
Да осенит моё окно!

В чаду вороньем, в чёрной пене ли
Шёл некий год. И гулы шли.
И нарастал закат империи
Багровой глыбою вдали.

И в некий час ударил колокол,
Раскальвая небеса.
И всё осыпалось осколками,
В которых август угасал.

И в злато, было уж зачахшее,
Тоской высокою вплелись
И благородство, и отчаянье...
И первый холод от земли.

И в грязи втоптанное чернию,
Вкусив смирения удел,
Звучало гордо отречение
Словами: «Верую в людей!»

ОКТАБРЬ 89-го

1.

Поэты пишут. Их читают.
Грозит пришествие Христа.
С деревьев листья облетают,
Как должно листьям облетать.

И это есть. И это было.
И это явь. И это ложь.
Вот спекулянт торгует мылом
И держит свёрток под полой.

Картина осени глубокой:
Как сто, как двести лет назад.
«Спаси меня, моя работа!»
Кого спасать, зачем спасать?..

Вот человек идёт хромает.
А дальше улица пуста.
В стране закончится бумага
И будет не на чем писать.

Ещё в стране разрухи нету,
Ещё пока идёт грызня.
В стране закончатся поэты,
Но это будет без меня.

Листву срывает и уносит.
Пустеет скверик за углом.
Трамваи сетуют на осень
И громыхают тяжело.

Провинциал грустит по-бийски,
Осенней моросью прошит.
А в переулке, как грабитель,
С прохожих ветер рвёт плащи.

Но всё напрасно: глухо, плотно
Защищены остатки душ.
И всё на свете по талонам,
Как хлеб в 17-м году.

2.

Ночь города в окно посеяна
С есенинской похмельной нежностью,
Раскинута бельё постельное,
Как Русь безропотная, снежная.

Возможны ли другие ценники,
Когда и дверь разбойно взломана!..
И самые глухие циники
Лишь ухмыльнутся: — Нецелована!

Что мне до них! Я сам пожалован
В жестокий чин душеспасителя.
Я, как Москва, горю пожарами —
Не за Россию, за спасибо.

Пожалуйста — слюною сглатываю.
Молчу убого и бескровно,
Убитый беззащитной правдою..
Молчу, как русский на допросе.

Слова увязли в горле сваями,
В них грубость, глупость пошлых реплик.
Бессловие восходит к святости
И напивается... как грешник.

Я не люблю повальной пьяности:
Когда я пью, пока не падаю.
Но как ещё достигнуть ясности?!
Как грустно в мире пахнет падалью!..

Я не Христос: моё пришествие
Вам не грозит моим распятием...
Всё! Я готов просить прощения
За всю (и всю свою) распахнутость.

Я становлюсь ужасным циником
И говорю слова высокие,
Когда по комнате на цыпочках
Скользит бесовская бессонница.

О, как же я чертовски вымотан
Её повадками тягучими.
Я, как стакан, — до дна. Я вымолчан...
Я в кровь искусываю губы.

3.

Не спасает работа.
Листопад, листопад...
Понедельник, суббота,
И опять, и опять...

Всё в пылу, как в опале —
Отгорит. А потом
Опустеет. Запахнет
Чистым свежим бинтом.

Ветер северный, резкий
Сдёрнет стаи ворон.
Всех нас вынесет время
На промокший перрон.

Нам пора к переменам —
От хлопот к холодам.
А по нынешним меркам
В никуда, в никогда...

Снег придёт и настанет.
Будет легче дышать.
С губ безмолвных слетает
Дымка... или душа?

* * *

Мы — прихожане, мир — приход...
Ну не смотри ты так рассеянно!
Да, я — как все, да, я плохой,
Слегка похожий на Есенина.

Меня не радует Москва —
В ней слишком много лицемерия.
И шляется моё бессмертие
По кабакам и по церквам.

Слух обо мне уже пошёл...
Не видела, в какую сторону?
Тебе со мной не хорошо,
А мне с собой — ну просто тошно.

Пишу, бумаги не щадя,
Дышу одним с тобою воздухом.
Умру — расставят, так уж водится,
Как Пушкина, по площадям.

* * *

Жёстко нынче спать стелю
Белье, как смерть, простыни.
Ветр трётся мордой по стеклу,
В комнату — скулит — просится.

Не скули, сейчас впусу, —
Места на двоих хватит нам.
Выпадет к утру дальний путь
Белою, как снег, скатертью.

Я спрошу тогда:

— Ты со мной?

Будешь мне попутным ветром?

Эй, ночлежник мой, пёс цепной,

Самолучший друг верный...

* * *

Душа — бродяжка, нищенка, воровка —
скулит по вечерам, как пёс цепной,
у памяти выпрашивая крохи
любой ценой.

Слоняется по прошлому, клянётся
в любви до гроба умершим, живым,
что в своё завтра зрячею вернётся,
честнее хлеба, праведней травы...

Клянёт себя последними словами,
зализывает свежие рубцы..
И падает ничком, устав слоняться,
и кается в грехах, как блудный сын.

* * *

Словами глупость прикрывают,
По-министерски хмуря лбы...
«Стишки? — сочувственно. — Бывает.
Но гражданином должен быть!»

Привычка быть самим собою...
Знобит. Рябин простудный жар.
Бредовый сон — что я свободен
От всех правительств и держав.

От суеты, от суесловья,
Собраний, митингов, речей...
Лежу весь в белом. В изголовье
Спокойный ровный свет свечей.

И люди больше не осудят,
Сославшись на «гражданский долг».
И голос мамин, не отсюда:
«Усни, Серёжа... Хворь сойдёт».

Воет. Вьюжно...
Недолго и согнуть —
Не найти на земле своего.
Дорогие мои, дорогие,
Не бросайте меня одного!

Хоть приткнуться к родимой ладони —
Выплакаться.
Да слёз не наскресть.
Для судьбы и беды есть раздолье,
И свобода студёная есть.

Одиноко в дому и недужно,
Хоть шаром покати на столе...
Ничего мне, родные, не нужно,
Только знать, что вы есть на земле.

Доаукаться — надо-то крохи! —
Отзовитесь! — спокойно помру.
Хоть помянете просто и скромно.
Стыло, стыло стоять на ветру...

КОНТУЖЕННЫЙ

Он в угол смотрит вечерами.
Он к одиночеству привык.
Там — только рамки фотографий
Друзей далёких фронтовых.
Друзей далёких...

Вечер долог.
Старик давно от всех далёк.
Лишь иногда в померкшем взоре
Мелькнёт знакомый огонёк.
Огонь...

Огонь!
Сухая глина
Забила рот. Разрывы. Стон.
И привкус крови, тёплый, липкий..
И страшный звон...

Проклятый звон!
Уйти хоть в стылый мрак осенний
Из серой каменной тюрьмы,
Где беспощадно и всецело
Довлеет память над людьми.

Приговорён к своей России —
Стране погостов и берёз.
Как будто на моих крестинах,
Октябрь торжественно белёс.

А я, как крестник, в этом храме
С самим собой наедине.
А я, как осень, отмираю..
И непонятно, чуждо мне, —

Что есть страна, что есть Россия
С глухой кремлёвскою стеной,
Где крик отчаянный: — Спасите! —
Завис, как мир перед войной...

В пространстве позднем отражаясь,
Подолгу стынет каждый лист.
И, как послы ничьей державы,
Уходят в небо журавли.

Из книги
«ЧИСЛО»

---

* * *

Я с каждым мысленно простился —
Я вспомнил всех до одного.
Колблем свет. А твердь пустынна,
Как прах от века моего.

Лишь скорбный смысл иных значений
Хранит забытое тепло.
И длинный список посвящений
Не уместается в Число.

* * *

Тихо струится дорога
Мимо темнеющих ив.
Свет, как подобие Бога,
Шлёт откровенья свои.

Свет неназойливый, словно
Льётся неслышно звезда,
Лёгкой укрытая мглою...
Странное слово — всегда.

Словно мерцают над полем
Тайные запахи трав.
Словно теперь уже поздно
Помнить, что было вчера.

Кажется, время бесследно
Кануло где-то в ночи...
Что ж так тревожно за лесом
Птица ночная кричит?..

* * *

Буксир упирается – тянет
Две грузных баржі по реке...
Волна набежит и растает,
Разгладит следы на песке.

Спокойно, без видимой боли
Затянет текучим песком, –
Как будто по кромке прибоя
Христос уходил босиком...

* * *

Листья срываются медленно
С чутких притихших осин.
Что-то, должно быть, изменится,
И — ничего не спасти.

Повода нет для отчаянья,
Есть только светлая боль.
Всё хорошо, что кончается
В срок, отведённый судьбой.

Ясные, словно последние,
Чудные, синие дни! —
Впору бродить перелесками,
Август души хоронить.

* * *

Как глубоко и нерушимо —
Берёзы. Родина. Рассвет.
Беззвучный шёпот камышинок,
И холодок росы в траве...

Покуда нет туда возврата, —
Наверно, просто не пора.
И всё-таки в грядущем завтра
Душа отыщет этот край.

Где шаткий мост на ветхих сваях
Глядится в зыбкое стекло,
И роща спит светло и свято,
И сердцу — свято и светло.

* * *

Через село лежал большак,
Клубилась пыль не оседая...
Наверно, там моя душа
Училась жить заветной далью.

Потом — судьба — случилось жить
Скупым теплом и скудным хлебом.
Глядеть, как пыль в луче дрожит,
И сквозь неё сочится небо.

Но всё же, видно, будет так:
Настанет час — я лягу в белом...
Душа вернётся на большак,
Расставшись с этим чёрным телом,

Увидит путь вперёд и вверх
Сквозь пыль, и, может быть, за нею
Её нетленный малый свет
Вольётся в бесконечность неба.

В ЗАБРОШЕННОМ ХРАМЕ

Тугие стебли повилики
Уже проникли и сюда...
Но на нетронутые лики
Нисходит Божья благодать.

И так чудно во тьме пустынной
С лица мерцающей стены
Глядят безмолвные святые...
И их глаза любви полны.

Как будто в мире скоро снова
Размкнутся чистые уста,
И возвратится миру Слово
Вторым пришествием Христа.

* * *

Путник ушёл незнакомой тропой.
Пламя свечи погрузилось во мглу.
Трогаю мир, точно дождик слепой
Бережно трогает радужный луг.

Боязно всё без остатка понять:
Птицу, упавшую в небо крестом,
Бег неразрывный степного коня..
Боже всевышний! — опять не о том.

Имя утеряно. Путник забыт.
В тёмных столетях теряется след..
Каждым движением, звуком любим
Всё воскресает. Но имени нет.

Кто я в миру?.. Отраженье свечи?
Птица распятая? Грива коня?..
Пусть всё отныне — как есть.
Промолчи! Не называй поимённо меня.

Скрещение времён, стечение судеб,
Смещение бытия в полуношное бдение.
Проявленная тьма уходит в оный день
Корнями и костями. О, Мир, ответствуй, где я?

Языческий восторг монгольского костра —
Огнями степь полна — смиряется холмами.
И век за веком вспять, исхоженный стократ,
Истёртый в пыль и прах... О, Мир, не понимаю,

Когда я кончил жить, откуда я живу?..
С холмов нисходит в дол прозрение. Светает.
И зеркало росы ложится на траву,
Но отражённый свет ещё не долетает.

Свеча или звезда? О, Мир, прими меня!
Я слишком долго жил. Позволь остаться доле.
В Твоей великой тьме недоставало дня
К дороге и к судьбе, к забвенью и к юдоли.

* * *

Луч трепетный невесть откуда
Скользнул по телу твоему.
Я не узнал тебя такую,
Не облачённую во тьму.

В тебе всё было неизвестно,
Но что-то детское чуть-чуть...
Казалось мне, что ты невеста,
Что ты ровесница лучу.

Что ты покорно-безответна,
Способна всё всегда понять...
Но тайну сна в скольжение света
Хранишь от всех... и от меня.

* * *

Так горчат твои губы осенние,
Точно требуют поздней вины!
Полночь выткана светом рассеянным
Крутобёдрой, нахальной луны.

Про меня ты насыщена разного.
Только знаешь, молва есть молва...
Лучше вслушайся, как за оврагами
Шелестит, облетая, листва.

В этой грустной мертвеющей осыпи —
Холоднее теперь, чем в дому.
Там, в берёзовых сумерках осени,
Мне так надо побыть одному.

Чтоб понять, как, предавшись мгновению
Ненасытной прощальной любви,
Откровенны до самозабвения
Пересохшие губы твои!

* * *

Бор царственно высок. Река лежит в тумане,
Дыхание её ещё во власти сна...
Так вот откуда всё! Теперь я понимаю:
Да, Слово было... Но
отныне — тишина.

Песок впитал росу. Следы точны, как почерк.
А почерк узнают: душа — не ремесло.
И Он через меня поведать что-то хочет,
Пытается сказать... И не находит слов.

* * *

Край небосвода высветлен слегка.
В листьях живёт вечерняя прохлада.
Сгуртившись тесной кучкой, облака
Бредут домой, спокойные, как стадо.

Обычная картина бытия —
Так было всё. Но всё ещё свершится.
Забыть... и вспомнить собственное «я»,
И, может быть, на что-нибудь решиться.

Чужой удел — покой оберегать,
Уйти. И стать молитвами Твоими.
Чтоб, как река, утратив берега,
Утратить всё: пространство, время, имя...

Зачем я здесь? Как из небытия
Выхватывает память чьи-то лица.
Река впадает в звёздный океан...
И льётся в синих сумерках молитва.

* * *

Луч световой, остёр и тонок,
Проник за ранний полумрак,
Где в кельях бора, свеж и стоек,
Таился ландышевый рай.

И словно увидав глазами
Впервые, въявь, а не во сне,
В немом оцепененье замер
И покорился тишине.

Как будто понял: так бывает
В местах, где ландыши цветут,
Что резкий свет не открывает,
А затмевает Красоту.

* * *

Над омутом неясная тоска,
И никого. И нет почти движенья.
Лишь, тихо наплывая, облака
Меняют в глубине изображенье.

У ивы неизбывная вина —
Смотреть и отражаться в зыбких водах.
Не видно дна. А может, нету дна?..
И вглубь манит бездонная свобода?

За берегом, за бытностью земной
Всё грезится какое-то начало..
Сомкнётся мир, как воды за спиной,
И глубина откликнется печально.

ПОДСНЕЖНИКИ

Мимолётно, точно мера
Сокровенной красоты, –
Только перед самой смертью
Открываются цветы.

Станным кажется их праздник
В свете участи земной,
Словно и не умирают,
А уходят в мир иной.

* * *

Душа качнётся над обрывом...
И прожитое вкось и вкривь
Вдали от родины полынной —
Переболит.

И мысль о том, что всё впустую,
Что жили и любили зря —
Отпустит сердце и отступит
Под светлый полог сентября,

Где тихо льются листья ивы...
Но краток, краток их полёт.
Душа качнётся над обрывом
И — невесомая — замрёт.

* * *

Я смотрел. И глаза мои землю прожгли
Вглубь, где дедовы кости и корни дерев.
Поднимите мне веки, они тяжелы, —
Я без боли на свет разучился смотреть.

Словно полночь вошла в мой покинутый дом
И наполнила хлеб силой прошлой беды.
И казалось сегодня то камнем, то льдом,
То былинным источником мёртвой воды.

Сын пришёл и увидел пылинки в луче —
Это ветер лелеял останки золы.
Сын коснулся воды. Я услышал ручей.
Поднимите мне веки, они тяжелы...

* * *

За тридевятой дальней тьмою,
За пылью участи земной
Открылась Родина иною —
Безбрежной, будто цвет льняной.

И благостный, что Лик с иконы,
Там каменград белел вдали.
И звоны шли... И тихли звоны.
И стар и млад к вечерне шли.

И я шагнул под эти своды,
Презрев запрет, презрев Число,
Презрев мираж земной свободы...
И слово светом проросло.

* * *

По тонкому свету минувшего дня,
По шелесту ясной листвы в сентябре
Когда-нибудь кто-нибудь вспомнит меня,
Как неторопливую тихую речь.

Как светлую грусть.
Как вечерних берёз багряный настой.
Как имя земли изначальное — Русь.
Когда-то потом...

* * *

Светоносная, первая, тайная,
Словно чудо в порочном кругу, —
Замерцала на склоне проталина
Робкой свечкой в глубоком снегу!

Или жизнь мне пригрезилась сызнова...
Или радость земного тепла
Тихой девочкой в чёрной косыночке
Исповедовать душу пришла.

* * *

Давно так не хотелось праздника!
Пока тепло, сентябрь пока —
Иди, душа, слова разбрасывай,
Сей вечное по кабакам!

Пока ещё деревья в золоте,
Пока поля не так скучны —
Справляй свой бал, чернушка, золушка...
Прощай навеки!
До весны...

В позднем воздухе серая сырость
В дровяном деревянном краю.
И покой, словно поздняя милость,
Опустился на душу мою.

Вид приземистых древних строений,
Задремавших на лоне полей,
Навевает мне думы о хлебе,
О надёжном домашнем тепле.

Это всё бесконечно земное,
Это наше и всё же вне нас:
Даже смерть, как и всё остальное,
Неизбежна, а значит — нужна.

Пусть живое уходит по кругу,
Возвращая и свет, и тепло,
Всё равно мы не в силах нарушить
Ход времён, чтоб остаться в былом.

В пору долгих осенних раздумий,
Перед близкой суровой зимой, —
Сохранить бы хоть светлые души
Почерневших сутулых домов!

* * *

Изморозь звёзд над юдолью земной
Да зачарованный звон тишины.
Длится и длится покой ледяной...
Господи! Сколь велики Твои сны!

Малой песчинкой ютилась в миру
Скорбная плоть. Да душа отошла.
Так неужели смиренный сей труд
Капли не стоит любви и тепла?..

Ночь безответна. Мерцают снега
Светом нездешним, печальным, иным.
Сколь эта мера безмерно долга:
Мера пути... Или мера вины?..

* * *

Тишина, словно следствие выстрела.
Неподвижное тело реки.
Тополя с облетевшими листьями
И старинные особняки.

Явным взору становится тайное:
Сколько словом людей ни зови,
Одиночество – крайняя стадия
Непосильной для сердца любви.

Холодеет высокое пение
И теряется в небе пустом.
Одинокая церковь Успения
Укрывает последним крестом.

НА ОСТАНОВКЕ

Анатолию Кирилину

Ты, наверное, прав, Анатолий,
Неизбежно придётся понять, —
Наша жизнь в уплотнённом потоке —
Бледный отзвук минувшего дня.

Фары...
Фары, затмившие разум,
И уже не народ, а толпа.
В этом мире, забрызганном грязью,
Нас сечёт ледяная крупа.

Эти лица изъела забота,
Будто ржавчина точит металл.
И работа, работа, работа...
Суета. И сует суета.

И счастливый плакатный Стаханов —
Грандиозен и столь же нелеп.
Да и мы со своими стихами
Лишь друг другу нужны на земле...

* * *

Гори, гори, моя свеча,
Мерцай неугасимо!
Ведь шуба с барского плеча —
Ещё не вся Россия.

И если, голову клоня,
На паперти стою я,
Дающим ли судить меня!..
Я не сужу дающих.

Пусть в потаённой тишине
За сокровенной мглою
Моё останется во мне..
И канет всё чужое.

* * *

Если жить одним лишь прошлым,
То, наверно, чтобы выжить, —
Я бы эту память бросил,
Я бы эту память выжег!

И в беспамятстве бы полном
Вдруг очнулся бы у края —
За оврагом в чистом поле,
В снежном поле за оврагом.

Без креста, без шапки... Только, —
Хлопья снега, хохот вьюги!
Боже правый! — кто я? что я? —
Безымянный, неприютный...

* * *

Промозглый бесконечный ветер
В сырой, кромешной, снежной мгле.
Как мало надо человеку —
Немного водки и ночлег.

Какой холодный длинный город,
И тьма кругом — ни огонька.
И из ночных подъездов гонят
Бродяжку, сволочь, варнака...

Укрыться в пустоте подвала,
Забиться в дальний уголок...
Как быстро трубы остывают,
И ночь съедает их тепло.

Под утро проступает иней,
И в щель сочится тусклый свет...
И невозможно вспомнить имя,
Которого, наверно, нет.

* * *

– Давай погадаю, касатик!
– Цыганка, я знаю себя –
Я беден, как русский писатель,
И горд, как последний босяк.

Всё так очевидно и просто,
И так же понятно, как хлеб, –
Печать векового сиротства
Лежит у меня на челе.

Но всё в этом мире проходит,
И холод не вечен земной.
А ты расскажи, если хочешь, –
Чего не случится со мной...

* * *

Сонно и тихо качает,
Будто мороз и снега..
Кто меня нынче встречает,
Путника... Или врага?..

Как меня нынче приветят
В том безымянном селе?..
Мертвенным холодом веет
И моросит по земле.

Если глаза вдруг открою —
Встанут погост и сосна.
Или конвой за спиною..
Здравствуй, родная страна!

* * *

Прямые, словно чувство долга,
Уходят в вечность две стены.
И далеко по коридору
Шаги конвойного слышны.

Совсем не этого ответа
Ещё вчера душа ждала.
Как в этом мире мало света!..
И нет тепла.

За мной приходят. В спину тычут.
Велят вставать, идти велят..
И долго мне глядят в затылок.
Но не торопятся стрелять.

* * *

Крик журавля. Конвой души и грусть.
Когда и где мы веру растеряли?
Кричите, птицы, — вас не заберут,
Не отведут в овраг, не расстреляют.

Нам вашей воли век не увидеть,
Мы слишком чтим погосты и границы.
На пустырях российских — лебеда
И тусклый блеск надгробного гранита..

Казённый блеск калибра «пять и шесть».
Крик журавля над бесконвойной болью.
И неуютно в собственной душе
Вдруг ощутить свободу быть собою.

К РОДИНЕ

Пока в последний путь не отпустила —
Горчит вода в заветном роднике —
Открой мне Слово, в коем скрыта сила,
Верни мне речь и память... Опостыло
Не знать корней в родимом языке!

Позволь же мне и в прошлом быть собою,
Чтобы уже отныне до конца
Судьбу не разделять с твоей судьбою...
Так сын приходит к матери с мольбою
Открыть ему лицо отца.

* * *

Всё, что теплилось в слове «Россия»,
Полыхнуло державной зарёй –
Беспощадно! Жестоко! Красиво! –
Словно души больны октябрём.

Словно час искупления пробил,
И прощания близится час...
В поминальной неведомой роще
Потаённо мерцает свеча,

Тихо листья плывут золотые,
Ибо сроки земные прошли...
Нет печальней земли, чем Россия!
Покаяннее нету земли.

И когда, будто листья без ветра,
В золотое впаду забытьё, –
Я узнаю по тихому свету
О чудесном спасеньи Её.

* * *

Не свобода, но рабство. Тяжёлые крепкие цепи
Между духом и телом. И нет бесполезной тщеты...
Корабельные сосны уходят головой в поднебесные крепи,
Не видать мне и малую толику той высоты!

Так хотел б воспарить над земным, над спокойствием сонным,
Но единства оков до поры ни за что не разъять.
В этом мире простом даже сосны, обычные сосны,
В молчаливом величье — смиренней и выше меня!

* * *

Точит древняя грусть по родному.
Скорбен взгляд в непроглядную тьму.
Поклонение лесу ночному,
Камню, шороху... Бысть по сему.

Травы молят небесное чрево.
Родники ищут тропы в золе.
О, всенощное тайное Древо,
Припади к истощённой земле!

Я вернулся из вечных скитаний,
В пустоте сохранив имена,
Но коснувшись пространства устало,
Я родного лица не узнал.

Я нашёл чашу слова разбитой.
И, услышав чужие мольбы,
Я назвал эту землю чужбиной.
Да минуешь ты горшей судьбы!

Ни сверчка во вселенском омуте,
Ни огня, ни окна в миру,
Только древняя тьма промозглая
Бродит около да вокруг.

Зачерствелая корка вечности.
Писк мышинный да их возня.
Слово ветренное, неверное
Не коснётся от сих меня.

Я и рад бы... Да слава трубная
Разметала золу имён.
Шито платье стежками грубыми,
Чёрной нитью глухих времён.

Пустотою углы измерены —
Ни свечи, ни иконы нет.
Обрекаемый на бессмертие,
Жду чего-то...
Лицом к стене.

* * *

Валерию Тихонову

Вёсла ложатся короткими взмахами
В тёмную воду. Глухая пора.
В тёмной рубаше, застёгнутой наглухо,
Сумерки сводят коней со двора.

Утром хозяин проспится и хватится —
Пустошь похмелья да холод с реки...
Что-то недоброе есть в волховании:
В звуках приглушенных, в чреве строки...

Будто готовится мутное варево
И замышляется тайное зло.
Знаешь, мне страшно с собой разговаривать
И понимать отчуждение слов.

За полночь. Кто-то невидимый ахает.
Вечности близкой темнеет нора.
Время уходит короткими взмахами.
И на земле — ни кола, ни двора...

* * *

Есть свойство странное в просторе
Снегов сибирских: всё кляня,
Всяк Божий день быть с миром в ссоре...
Но сознавать величье дня.

Невольно вздрогнешь: звон кандалный
Как бы озвучивает путь.
И незнакомый голос дальний
Внушает: «В вере крепок будь!»

* * *

Слово, как влажную марлю, прикладывать
На оголённую рану вины..
Вечер, наполни мне сердце прохлагою
И успокой меня светом иным.

Всё это больше, чем миг отречения
От непосильного счастья в миру.
Время, открой мне исконность речения,
Чтобы понять, что и впредь не умру.

Золотом осени, тихой отрадою
Ты осени мою душу и плоть,
Тихий раскидистый клён над оградой..
Видишь, как мало мне надо, Господь!

* * *

В. Новоскольцеву

Ты помнишь, с какого вокзала
Отправились мы и куда...
Тогда нас так много связало:
Надежды. Стихи. Поезда...

Так много, Валера, так много
Прекрасных, но прожитых лет!
И вот мы повязаны снова
Тоской подмосковных полей,

Такой запоздалой! Но полно,
Не помни. Очнись и постой,
Мы входим в прекрасную пору
Забвенья листвы золотой.

Осенней сокрытые мглою
Иные пространства слышны,
Прозрачным становится Слово
И ясным язык Тишины.

* * *

Витязь очнётся в степи. Коршун сужает круги.
Вкруг все убиты лежат. И тишина..
Лишь вдалеке у воды дремлет полоска куги.
Нет ни чужих, ни своих. Странной зари пелена.

Сколько ж ты, витязь, лежал? Пусто на древней земле..
Встанет и степью пойдёт мимо других.
Воду в шелом зачерпнёт, пьёт отражение лет,
Смотрит задумчиво вглубь тёмной куги.

Имя спасённой земли или забвенной земли?..
Время какое теперь? Что за страна?
Небо глубоко в глазах. Горькая горстка золы.
Коршун, готовый упасть. И тишина.

* * *

Хладный покой вековечного бора,
Точные тени на зыбком песке —
Зримо и просто. Отсутствие боли.
Неколыхание жилки в виске.

Сосны. Границы любви и печали.
Потусторонний рассеянный свет —
Словно то чувство, что было вначале..
Только тепла первоуродного нет.

* * *

Невозможно остаться никем.
Неизбежно — остаться. Диктую
По скрещению вен на руке,
По слиянию Бии с Катунью...

Всё назначено: место и час.
И ответ уготован в вопросе.
Но во всём есть незримая часть,
Кроме видимых плоти и крови.

Век недолог. Но Имя одно.
И нельзя произнести его всуе.
Скоро сбудется. Сбыться должно
Всё, что должно. А время рассудит.

Даже те, кто давал имена,
Не проникнут за дымку покровов...
«Ты сказал».
И сошла тишина.
И не явлено Слово.

* * *

Знаешь, я не то чтобы лгу,
Просто всё, что сумел сберечь, —
Неразменно, как осень губ
В сентябре.

Видишь, лужи стянуло льдом,
Как глаза во хмелю.
Чей там дом? Да не мой ли дом?..
Кто там спит? Да не я ли сплю...

На чужбинах родной страны
Разметало мой путь земной...
А поля ещё так черны,
Так пусты поля...
Как весной.

* * *

Послевоскресный серый день.
Отпотевают стёкла серые.
Но даже памятки — нигде
О пережитом воскресении.

Как эта вялая сирень
Из хрусталя уже не выкипит,
Так целый день в окно смотреть,
Чтоб целый день из жизни вычеркнуть.

И за сплошной стеною слов
Лишь на краю увидеть главное:
Над миром властвует Число,
Покуда смерть над телом властвует.

* * *

Друг мой, снова я остался не у дел,
Вновь в душе своей чего-то не сберёт.
День угрюм, как коридоры МВД,
И тоской промерен вдоль и поперёк.

По привычке говорю ещё – мой друг,
Обращаясь, может быть, к тебе, мой враг.
Впрочем, слово в данном случае лишь звук,
Обозначивший условно некий знак.

Запредельность опустевшего листа,
Проходящее отчуждения миров...
Лишь в окне пустом – подобие креста
Да рябин ещё не высохшая кровь.

На вокзале железнодорожном
Недоумок играет в дуду —
Всё ведёт и ведёт осторожно
Комариную ноту одну.

Вслед за музыкой вытянув шею,
Увлечённо ведёт головой.
Надоедливо, долго, душевно
Нарушает душевный покой.

И над суетным, серым, бескрылым
Он парит, закрывая глаза.
Что он важное хочет открыть нам,
Что же главное хочет сказать?..

Двое в форме выходят навстречу,
Объясняют, толкают слегка...
— Отойди! — говорит. — Изувечу!
Изувечит. Что взять с дурака.

* * *

Я сделал плохое деянье,
И во искупленье греха
Свершил старику подаянье
Легко. И забыл старика.

Да мало ли их в самом деле! —
Ну подал и подал ему...
И вроде всё правильно сделал,
И вроде бы всё по уму.

А осень листвою сорила,
Что золотом. В полной тиши.
Как будто безмолвно корила
За скудость и чёрствость души.

Всё, что нам без скорби даётся
В миру, — не возвысит креста...
А нищий пойдёт и напьётся,
И свалится пьяный с моста.

* * *

Февраль обложил, что тоска вечерами —
Когда одиночество душу не греет.
Сто первая вьюга погост затирает,
А сотая вьюга под снегом стареет.

И поле за логом безмолвно, как Слово,
И даль за оврагом пуста и бездонна...
Всё глубже морщины, всё дале бывшее.
Ладонь разжимаешь...

И пусто в ладони.

* * *

Круг очерчен. Молитва пропета.
Нарастает тревога извне.
Как ещё далеко до рассвета —
До того, что созрело во мне.

— Этот помер... А этот запился... —
Злые шёпоты так и спуют.
Так и ждут, чтобы я остушился.
А оступишься, и — закладывают.

Что-то мелкое, мерзкое, злое
Подступает к охранной черте,
Дышит рядом... В чащобе. В болоте.
За спиной. За углом. В пустоте...

СИБИРСКОЕ

Вьюга всё по зимнику рыщет,
То воеет, то тонко скулит.
Душа что-то давнее ищет
И нудно и долго болит.

И в теле ютится прожжённом,
Как в тесной пустой конуре.
И бряцает цепью тяжёлой
Февраль... или пёс на дворе.

И грустно, и жутко... И ясно —
Кривая куда завела.
И нечего больше бояться.
И некуда дальшесылать.

* * *

Анатолию Кудласевичу — другу, поэту,
составителю «Антологии белорусской эпитафии»

Вот и строки усталые,
Ни о чём не прошу...
Ты собрал эпитафии.
Я их сам напишу.

Вот и всё заморожено,
Вот и стёкла во мгле.
Знаешь, кажется, прожито
Много лет на земле.

Знаешь, кажется, пройдено
Много зим на веку...
Знаешь, кажется, родина
Заплутала в пургу.

Всё дороги окольные,
Всё снега да снега...
Знаешь, скольких раскольников
Отпевает вьюга?..

РОДНОЙ

То не глаза — провал сплошной!
А дале пустота...
Родной! Откуда ты, родной?
Знакомые места?..

Ты ль слову воли не давал,
Не мерил взглядом даль!..
С чего, родной, затосковал,
Откуда пьёшь печаль?

В стакане чёрное вино —
Когда успел налить!..
И куст рябины под окном.
И родина пылит..

И жизнь всего одна дана!
И воля, и мечта...
Проснёшься утром с бодуна —
Ни шапки, ни креста.

* * *

Опять судьба меня не балует,
Опять с нуля, опять вокзал..
У сентября глазницы впалые
И волчьи жёлтые глаза.

Ничто души уже не радует,
И сердце — точно чёрствый хлеб.
Листва, прошед все круги адовы,
Смиренно стынет на земле.

И зарываясь в бездны памяти,
Мучительно ищу приют..
И мне, как нищему на паперти,
Затёртый грошик подают.

* * *

...трижды воспевающе, со ангелы славим бога,
а не четырки, по римской бляди*...
Житие протопопа Аввакума,
им самим написанное

Первый снег. Ступни босые.
Побирушка. Каталажка.
Божий промысел. Россия.
Убиенный Николашка.

Время смуты. Лики. Рожка.
Бабы грудь гребут горстями.
Вдоль забора ходит кожа,
Подпираема костями.

Эй, сударик, дай сухарик!
Пёс слюну с губы развесил.
Были. Били. Лица. Хари.
Власть Советам! Всю — Советам...

Жили. Ели. Партократы —
Ананасы жрали, бляди.
Аты-баты, демократы
Размножаются рублями.

Скользко. Грязно. Гласно, то есть.
Есть ладошка — льни бумажка!
Век увечный. Год — который?
Побирушка. Каталажка...

---

* Блядь — 1) (ἀπάτη), обман, заблуждение; 2) (Λῆρος), пустословие, пустяки (Остромир. Ев. Лук. 24, 11); 3) (πλάσμα), выдумка; 4) разврат, прелюбодеяние. (Полный церковнославянский словарь. Сост. свящ. Григорий Дьяченко. 1900).

* * *

Жезл в стороне. Лишь Бог и данность.
Взгляд в вечность, точно в память взгляд.
Всея Руси и дале, дале...
Себе к чему перечислять!..

Свеча сгорает. Ворот душит.
Пространство сходит в пустоту.
Негосударственные думы
Мрачат сегодня и гнетут.

Всё больше ненависть и мука —
Нет преданности, нет любви.
В народе возродилась смута.
Грядут закаты на крови.

Спасать Отечество?.. Но ложно,
Спасая веру, сеять зло!
И жить так боле невозможно,
И отречься тяжело...

Имперское лето хоронят
В берёзовой роще. В густой
Его августовской короне
Немало листвы золотой.

И как под останками храма,
Не знаю какого, Бог весть, —
Обломки старинного хлама,
Такого, как верность и честь.

Мне больше не больно, мне грустно
Столь долго ютиться в миру.
Никак не избавлюсь от чувства,
Что я никогда не умру.

Что в вечную зиму рябиной
Уйду. И не вспомню о том,
Что родина стала чужбиной.
Верёвкой. Петлёю. Крестом...

* * *

Нет России, как нет Москвы —
Все дороги сошлись в одну.
Знаешь, впору бы волком взвыть
На луну...

А ещё бы позлее спирт,
Чтобы вышибить клин тоски.
Не поётся, так хоть запить —
Хоть залить души Соловки.

Эх, душа моя, ты — зека,
На пудовых на трёх замках.
Загустел на ветру закат,
Окровавив в полях снега.

Вот бы выйти за этот круг,
Разорвать судьбы удила,
И тогда, мой ответный друг,
Поглядели бы, чья б взяла!..

* * *

Сентябрь. Где же щедрость осени,
Где россыпь золота листвы?!
Под серой пасмурною осыпью,
Сентябрь, впору волком взвыть.

И скуден день, как корка чёрствая,
И сердцем холоден. И глух.
Сентябрь — что сума холщовая
У побирušки на углу.

Сентябрь, всё давно пороздано!
И так легко брести во мгле.
Тоска по родине на родине —
Нет горше доли на земле.

Сентябрь...

* * *

Стряхнуть, как сор, остатки века.
Прости, но мне его не жаль.
И звёздный луч скользит по вене,
Как будто лезвие ножа.

Прости... Но ты за всё простила
И отпустила в эту ночь.
И луч — не нож. И он не в силах
Ничем помочь.

И остывает блеск державы,
И не видать вдали огня.
И ты — холодная, чужая,
Звезда, пронзившая меня...

* * *

Видно, вот он, Калинов мост...
Умыкнул в кусты чёрный пёс,
Чёрный ворон с плеча вспорхнул, —
Что-то, чёрный, себе смекнул.

Что всем вместе де пропадать,
Даже если за дело пусть...
Только гул затих в проводах,
Только путник — и только путь.

Всё так ясно, что дрожь берёт.
Да и выбор предельно прост —
Час пришёл, и настал черёд
Перейти свой Калинов мост.

* * *

Всё ниже голова склоняется
В миру под тяжестью молвы.
Давай крестами обменяемся,
И в дальний путь благослови.

Мой брат палач, как надо сделай всё,
И — да не задрожит рука!
Уйду в снега, как марля — белые.
И в просочившийся закат.

Смотри, какая нынче щедрая
Чернеет вечность впереди!
Да воссияет, как прощение,
Мой крестик на твоей груди!

* * *

Свет очищенный, свет дочерний,
Августовский прохладный свет...
Так душа плывёт по течению,
Так внимают листья.

Эти дни отстранённо синие
Отрывают взор от земли.
То ломая, то строя линию,
Журавли летят...

Над чернеющими сараями
В остывающей тишине
Столько поздней святой прозрачности,
Что достанет тебе и мне.

Ну на что ещё люди сетуют!
Что им нужно — богатство?.. власть?..
Как всё призрачно против этого
Вымирающего тепла!

СНЕГОПАД

Пахнет небом и ладаном
Вне пространства и времени.
Так приходят на кладбище
И приходят к прозрению.

Как отчётливо дышится
И замедленно тянется!..
Оборвётся, и лишнего
Ничего не останется.

* * *

Осень. Чёрная вода
В лужах. Бред листвы печальной.
Непривычен новый дар
Отрешённого молчанья.

Указующим перстом
Путь лежит. Безлюден. Светел.
И покой на свете том,
Что октябрь на этом свете...

Из «СВЕТЛОЙ КНИГИ»

---

* * *

Вся жизнь разъездная, шальная...
Судьба. А читаю — дорога.
Россия, что баба хмельная, —
Ни меры не знает, ни Бога...

Не слышит ни мужа, ни брата,
Не помнит ни срока, ни сына...
И только по самому краю —
Осина, осина, осина...

Трепещут единою кровной
Тоской непосильной.
Как много осин при дорогах
России!..

У соседа запой. Я его понимаю.
Но помочь, видит Бог, я ничем не могу.
Я, бывает, и сам иногда принимаю,
Когда сам от себя малодушно бегу.

У соседа запой... Осень золотом сыплет,
Как деньгами сосед. Он не брит и не свеж,
Предлагает мне выпить. Чего бы не выпить...
Да простит меня Бог, да спасёт его Свет.

Отчего бы не выпить с хорошим соседом
И не взять на себя часть соседских забот.
Может быть, у него на душе просветлеет
Или вдруг, может быть, на меня снизойдёт.

Воздух осенью чист. Небо осенью сине. —
Есть надежда, что всё в этом мире не зря,
Как молитва, простёртая Отче и Сыне...
У соседа запой. И разгар сентября.

ПОЧТИ БОДРОЕ, НОВОГОДНЕЕ...

И дождь. И снег. И грязь. И брызги...
И Новый год. И звонкий смех...
А вот шагает — хоть и Бывший —
Интеллигентный Человек.

В спортивной шапке, в брюках «ретро»,
В ботинках — «мать твою ети»...
Зачем бесцельно мерить метры? —
Куда идти?.. Зачем идти?..

Российский Гамлет!.. Русский Ваня.
Смиренный бунт. Нездешний свет...
Идти. Покуда с ног не свалит. —
Идти!
Иначе — смысла нет...

* * *

Владимиру Башунову

И тусклые углы в глубинах мерцают,
Как что-то забытое сияется вспомнить...
И время безмолвно вокруг обмирает
В затмении снежном, в забвении полном.

Полвека свободы. Да что там полвека —
Ещё со времён сотворения мифа,
Ещё со времён исчисления мира —
От первого и до вселенского снега!

Золу разгрести. И подбросить полено. —
Как выволить пламя и время из плена.
И грезить в пространстве своём одиноком
О чём-то высоком, о чём-то далёком...

* * *

Долго слушал февральскую вьюгу,
Оттого и остался один.
Да предательство лучшего друга...
Вот уже и дожил до седин!..

Бог не выдаст. Конвой не застрелит.
Баба сдуру запьёт как мужик...
Но когда ямб очнётся хореем —
Положите меня у межи!

* * *

И вот февраль. Как некий перевал,
Как мост неверный из метели в лето...
А может, — в Лету, может, песня спета,
Угасли свечи и закончен бал?..

Но в голос я ещё не запевал,
Не узнавал тебя в строке сонета,
Не заплетал строфу из нитей света...
Был предан. Но друзей не предавал.

Я жил как жил. Вернее, ночевал
В угоду миру в той заветной клети,
Где родина с рожденья пахнет хлебом
И сеновал высок, как сеновал.

И вот февраль, быть может, не последний
Из февралей. Но долгий перевал...

* * *

...прошло, пронеслось, отболело —
как ветреный красный закат...

...безденежье ль одолело,
иль холод пристыл у виска;
печалют ли мысли иные,
иные ли думы гнетут —
о родине, где и поныне
шальные метели метут?..

...срывают снега те метели,
и в душах свистят, и в умах:
на Пушкина здесь — по Дантесу,
без меры — сума и тюрьма;
кого мы и чем прогневили,
иль отдали душу за плоть?...

...закон равновесия, или —
на всё Твоя воля, Господь?

* * *

У попа на заимке запой...

Александр Родионов

Остался приход без догляда, —
Кому нынче нужен догляд!..
А поп на заимке гуляет
Какую неделю подряд.

То песни орёт, то болеет.
А мимо метели поют.
А поп беспробудностью лечит
Мятежную душу свою.

Уже самогон — как водица,
И всё перепето давно.
В Сибири, в России, в столице ль... —
Не всё ли равно!

Рвануть посильнее рубаху,
Чтоб грудь обнажить до креста,
Да по столу врезать с размаху:
— За что вы распяли Христа?!

НА СТЫКЕ ВЕКОВ

Там чудеса...

А. С. Пушкин

1. ПУТНИК

Когда был явлен дивный голос,
Как некий потаённый знак —
Душа божественным глаголом
Была сей миг озарена.

И выходящий на дорогу
Был обречён — по ней идти...
Но век иной, как всё иное,
Настигнул путника в пути —

Вокруг пространство мировое
Тревожным сумраком полно,
И незнакомое, другое,
Мерцает ветхое окно.

Он свету призрачному внемлет,
Увяз в нём, как в глухом снегу.
И ямбы там глубоко дремлют.
И век пред вечностью в долгу...

2. ПОСЛАНИЕ

Далёко от слова до слова.
Снега глубоки и пустынно.
И путник плутающий, словно
Отставший от века посыльный.

В нём нечто от вечного блага
И от глубины непротенья —
Он смысла не знает посланья
И места его назначенья.

А век неуютен и тёмн,
И жажды не знает познания.
Зачем он явился и кто он —
Посланник, хранящий посланье?

А мир непонятен и долог —
Пролёт без конца и без края,
И ветер завывает недобро
В трубе мирового пространства.

НА МОГИЛЕ ОТЦА

Ручей под снегом. Ели. И мороз.
Прости, отец, я выпью молча, коль
Нам встретиться так поздно довелось...
И молча пересилю эту боль.

Я опоздал... и ты не погодил...
Всё — как всегда... как в жизни... на бегу.
Теперь лишь одинокие следы,
Мои следы, увязшие в снегу.

А снег такой, что всё окрест светло,
Нетронутый. До боли белый снег.
Как далеко от дома занесло:
Меня на полчаса. Тебя — навек.

* * *

В укромном схороне Алтая
Благих ожидая вестей,
Бездумно, как чётки, считаю
Унылые дни без затей.

Пустое пространство ночлега,
Провал бесконечный окна —
Страна одинокого снега,
Тоски одичавшей страна.

Как будто бы холод конвоя
Всё время стоит со спины.
И хочется даже не воли,
А просто дожить до весны...

* * *

Скрипит под ногой половица...
И образ неясно размыт.
И пыль переходит границу
Тончайшего света и тьмы.

Я вижу забытые лица.
Я знаю, чего я хочу.
И надо всего-то склониться
И молча поставить свечу.

И так всё до боли понятно
В душе очерствелой, как хлеб.
И я начинаю склоняться
Под тяжестью света. И лет.

* * *

Август — что поздняя вера...
Вмёрзшие в душу следы:
То, что давно омертвело,
Долго и нудно саднит.

Сходит с берёз позолота.
Даль проясняется... Но
Зябко в душе отчего-то,
Будто бы — настезь окно...

И только ветер колышет
Скорбный прогорклый настой
Зарослей рыжей полыни
Под придорожным крестом.

ПИСЬМО В ПРИБАЛТИКУ

Улдису Сермонсу

Живёшь вот так... и вдруг, далёко от столицы,
От шумов городских, — осознаёшь долги:
Нам нечего делить, но есть чем поделиться,
Ведь мы с тобою, друг, — друг другу не враги.

Да — время обожгло, да — мы уже не дети...
Но — Пушкин на Тверском! Но — память прошлых лет...
Нам нечего делить — ведь мы не президенты —
Бутылка водки есть и шпроты на столе.

И раньше было всё: и институт, и лит[р],
И пьянство, и стихи, и золото, и дерьмо...
Нам нечего делить. Без нас всё поделили.
Поэтому пиши. Я жду твоё письмо.

ОЖИДАНИЕ СНЕГА

Задержался снег. Запоздало
Переулком домой бреду.
А рябина моя больная:
Вся горит, как в бреду.

Морозящий ноябрь. Постылость
Безвремения. Серость лет.
Мне так хочется верить в Россию,
В ту Россию, которой нет.

На окне на моём — решётка,
За окном моим — нищета,
А вино на столе — дешёвка,
Оттого и болит душа.

Поутру, в чистоте похмелья,
Когда мысль о России — весть,
Кто-то ранний пройдёт по снегу...
Или это уже не здесь?

ПЕСНЯ

Подошёл к окну психопат:
– Посмотри, какой листопад!
Николай Шипилов

За плечом — сума, на душе — тюрьма,
Даль описана за долги,
На носу зима — далеко не март —
К горлу нож, хоть в бега беги!

А я знай пою: «Вот и Палыч, блин...
Как подбитый, блин, мессершмитт...»
А друзья мои пьют за жизнь мою,
И у них пока «не дымит».

У меня ж дымит, просто чад внутри! —
А друзья смолчат, как поймут...
А враги мои высоко пошли
И друзьям моим руки жмут.

Осень ж золотом — по моим долгам,
Только больше всё — наугад...
Мне бы спеть теперь всем друзьям-врагам:
Посмотри, какой... снегопад...

ФОРОССКАЯ ЦЕРКОВЬ

Был подъём не тернист и не крут,
Только очень извилист и тонок,
Смог подняться бы даже ребёнок,
Не сочтя за особенный труд.

Да и крест мой не столь уж тяжёл
По сравнению с Христовою ношей...
Сверху видишь совсем по-иному
Тот отрезок пути, что прошёл.

Как младенец для неба открыт
И навек зачарованный Крымом,
Я бы мог стать отныне счастливым...
Да земля о ином говорит.

Над Форосом, над морем, над миром
Дух печали высоко парит...

Покидающий землю обрящет покой —
Так нам виделась вечность в суетах земли...
Вот ковчег наш причалил к Ай-Петри легко,
И мирское осталось — как в прошлом — вдали.

Вот вагончик качнулся слегка и затих...
Мимо стражей седых, мимо райских ворот,
Мимо праздника вин, мимо — Муза, прости —
Всех когда-то доселе написанных строф.

Есть ли что-то в миру, что осталось во мне,
Как рябина в моём беспросветном окне?..
Но Ай-Петри, Ай-Петри, Ай-Петри —

До обрыва, где сосны растут на камнях,
Где суровым дыханьем ласкают меня
Одинокие горные ветры.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И срок перевалил за половину.
И век в начале — чёрствый, точно хлеб.
И мир велик. И холод от величья
Печалью лет оттиснут на челе.

И молчаливо, строго и сурово
Здесь родина ещё хранит родство,
Но с неизменным привкусом сиротства —
С извечно непокрытой головой.

Иль прошлое меня опять настигло?
А может быть, я просто возвратился? —
Не убежать юдоли и судьбы...

Окно. И одинокая рябина —
Всё это было. Было, было, было...
И не избыть. Вовеки не избыть.

Диме Мазанову

Знаешь, видно, сказалась усталость
и оседлость в унылом дому...

Никогда так легко не писалось,
как в минувшем апреле в Крыму!
Не хотелось ни денег, ни водки,
ни огня, что мерцает вдали...
Никогда не дышалось так вольно
вдалеке от сибирской земли.
Представляешь! Ни денег, ни водки —
это ж надо?!
И всё наяву!
Словно только покинул неволю
и увидел, как люди живут —
дышат вольно, как людям пристало,
и открыты навстречу всему...

Видно, всё же сказалась усталость
и привязанность
к одному.

* * *

Как всё когда-нибудь кончается,
Чтобы продолжиться потом, —
Снег выпал чистый, как причастие
Моей рябины под окном.

И словно в зале ожидания,
Смотрю на этот белый снег
В преддверье первого свидания
Или прощания навек.

* * *

Мир безлюднее стал и мудрее
В одночасье в моём декабре —
Всё уходит под снег, точно время
Замирает в единой поре.

Иногда прилетает синица
И забавно глядит сквозь стекло.

И открыта всё та же страница,
И в скрижалях всё то же число —
Всё привычно-забытое, словно
Снеговик на пустынном дворе...

И пространство открыто, как слово,
И спокойно, как снег в декабре.

* * *

Маэстро! Урежьте марш!!!
М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Вот и закончилась эта зима...
Значит, опять не сойти мне с ума,
что меня радует, даже весьма,
и возвращает на прежние круги —
март переходит в безудержный март,
словно внезапно урезали марш
медные трубы.

Словно марала весенний призыв,
или восторженность первой грозы,
или внезапный полночный визит
старого друга, —
где ещё время — бессрочный транзит,
где даже в мыслях пока не грозит
точку поставить. И выйти из круга.

* * *

Заманили куда-то,
окликнули —
эх, доверчивый ж я и простой! —
завели так далёко и кинули,
и оставили в поле чистом.

Глянь-ка, ягодка там под кустом,
на зубок её —
ки-ислая,
мне б оставить её на потом...

Да потом — это будет потом...
кинешься —
ни души в этом поле пустом.

КАЧЕЛИ

Как высоко взлетали качели,
Совершая полёт в никуда!
Невесомость моих ощущений
Мне случайной казалась тогда.

Но тускнеет вчерашняя память —
Душу держат не корни родства —
Так же жутко, но сладостно падать...
Так же трудно и горько вставать.

Мир случайностей и ощущений
Заполняет пустоты собой.
И высоко взлетают качели
Над моей приземлённой судьбой.

Как медленно плавают листья,
Покуда достигнут земли.
А листья похожи на письма...
Но мы их ещё не прочли.
«В укромном схороне Алтая,
Благих ожидая вестей...».

А осень стоит золотая —
Куда уж ещё золотей!
А дворник под окнами ходит,
Метёт позолоту метлой.
С утра он немного хочет...

Как жалко, что лето прошло!
А осень свежа, как похмелье
Былого тепла и любви.
И всё неразменнее небо
Дарит откровенья свои.
И всё ощутичее холод...

И снова письмо не пришло.
Ах, дворник, чего же ты хочешь,
Сметая надежды метлой?..

* * *

Не измеришь осени глубин.
Лишь рябина тлеет за окном,
Да её морозно-красный дым
Спелым наливается вином.

И опять набухли снегири
На рябине тлеющей в окне...
А глаза откроешь, — посмотри,
И поймёшь, что истина в вине.

Виноват во всём, куда ни кинь,
И во всех пороках и грехах...
И зачем такая нынче синь! —
Для чего так осень глубока?..

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Вся жизнь моя — строка (не путайте со «строчкой»)
Чего-то не успел, чего-то не сумел...
Пробел. Еще пробел. И впору ставить точку.
Но где-то в тишине, но где-то в глубине...

Надеяться и ждать. И верить (корень — вера).
А вдруг. Сейчас. Вот-вот.

Вот-вот... Сейчас... А вдруг...

Проклюнется на свет апрельский, словно верба,
Пусть не строка. Пусть звук... Вначале будет звук.

Виной всему предел. Вернее — нет предела,
Конца и края нет. И края края нет.
И храм, и вербы, и... грядущий понедельник.
И где-то в тишине, и где-то в глубине...

Тихая заводь июльского лета.
Память воды, до седьмого колена...
Дно ли погрезится... Или во мне
Что-то забрезжит неясно и больно:
Словно нахлынет светло и привольно
И – растворится тотчас в глубине?..

Линия света и тени от бора.
Линия берега. Кромка приборя
В проблесках, точно случайной, слюды.
В полном покое согбенные ивы,
Словно монахини светлые... Или
Всё это горняя память воды?..

Здесь ли, смиренно и тайно взывая,
Тихо рождалась печаль вековая?..
Лето Господне. Благие труды –
К миру огромному, к скудному хлебу
Да к неразменному синему небу...
Тихая заводь. Память воды...

Прощание со «СВЕТЛОЙ КНИГОЙ»

---

1 ИЮНЯ

(замысел картины, холст, масло)

Воздух огромный, ленивый
запахом трав и дорог
густо — что светом — пронизан,
точно слоёный пирог.

Мир — как ведётся — от Бога.
Солнца июньский разлив..
Поле. А краем — дорога,
а вдоль дороги — польнь.

А впереди — впереди ли? —
синь ли?.. небес торжество?..
Я ли блаженный родился?..
И — никого!
Никого...

* * *

Я пришёл, как и было предсказано,
Накануне июньского дня.
Отчего ж ты, печаль златотканая,
На рассвете не будишь меня?..

Ты буди — на потом не откладывай,
Может статься, я вскоре уйду,
Напитавшись ночью прохладой,
Словно яблоня в майском саду.

Будет день. Будут дальние странствия
В вечном поиске вечной тебя
В мире, где — так немного от радости
И так просто себя потерять.

А пока я ещё неприкаянный
Накануне июньского дня,
Разбуди меня, явь златотканая,
Разбуди поскорее меня!

ИСТОКИ

Июль. Жара. Клубника спелая.
И даль открыта и светла...
А там, торжественна как первенец,
Русь вытекает из села.

Зачем?.. Куда?.. В какие странствия?..
К каким заветным берегам?..
А здесь пока — свежо и радостно,
Как в детстве... как босым ногам...

А здесь — покосом пахнет, травами,
Березняком... Лежит река,
Как на ладони мир расправленный...
Июль. Дорога. Облака.

* * *

Как и всё — по жизни бестолковой,
по моей беспутной проходя —
лето расколосось на осколки
солнечного тёплого дождя...

На прополку грядок в огороде,
на плескание в парной реке,
на мосток, увязший под горою,
и шмеля, уснувшего в цветке.
Столь ли важно, что ему приснилось?..

Слышу ясно — смех и кутерьма:
девушки собрались по клубнику,
говорят, клубники нынче — тьма!..

Что ж грустить о прожитыя годы,
коли жизнь вновь дарит торжество
на моих клубничных косогорах!
На осколках лета моего.

* * *

Я тебя узнаю... или знаю..
Или только что встретились мы?..
Ты за что мне — такая родная
Посреди беспробудной зимы?..

Средь других, не герой и не воин,
Растерявший остатки мечты, —
Я и тени едва ли достоин
Безысходной твоей красоты!

Ты в снегах — как в шелках... Как из пены
Наготы предрассветной... Слова,
Да и слава — ничтожны и тленны, —
Лишь глаза приоткроешь едва.

* * *

Август. Душа засыхает, как листья.
Как полоса отчуждения — август..
Скрипнет калитка. Как будто окликнет,
Вас ли?..

Сад ли забвением тонким пронизан,
Сон ли таится в дремучих распадах?.. —
Времени нет, там, где вечность проникла
Крадучись в память.

Скоро — но вновь не уловишь момента —
Перегорят и проявятся дали,
Осень по-лисьи войдет незаметно,
Как-то нежданно...

* * *

Лето пройдёт. А с летом кончится торжество.
Стану почётным членом общества своего.

Где я в одной из комнат, где я совсем один.
Где в Интернете — кто-то... а за окном — дожди.

Где впереди не светит. И безразличен свет.
Впору бы выпасть снегу...
Скоро ли этот снег?

* * *

Первый снег. И запах мышьяка.
Словно в кабинете зубника.
Родина — такая. Но моя...

Хрупкие и острые края
уводящей в память белизны —
будто бы забвенью, до весны.

До ручьёв, до талого в виске
пульса — точно бритвой по строке —
до начала
жизни...

А пока —
Белый снег. И привкус мышьяка.

Начало дня. Как одного из дней.
Как эхо захлебнувшегося крика...
Но ты такая Светлая во мне,
Как вовремя неизданная Книга.

Как высохшей рябины гроздь — черна,
Не чернокнижна. Но — не покаянна...
И вид из-за решётки из окна
С намёком на моё непостоянство.

Но — к переменам, значит, к холодам,
К осенней хмари... к праведности неба...
Ты знаешь, я ведь праведником не был
И, верно, — им не стану никогда.

Ещё свежо вчерашнее Число,
Ещё не все обиды миновали,
Ещё не все награды раздавали...
Но время не придёт. Как не пришло.

И ты одна в надежде на любовь
К тобой ещё не рожденному сыну,
Не знаешь, что и этот мир покину,
Чтобы в него другим вернуться вновь.

* * *

Так женщина, отвергнув нежность,
вслед за обидою ушла...

Что мир?.. Среди равнины снежной —
всё зеркала.

И неминуемо... и мимо
как облака — осколки лет...

Мир отражённый равен миру
забвенностью своих полей.

Так сумерки уходят в полночь,
так глухо говорят: — Прости.

И ничего уже не вспомнить.

И не спасти.

ПОСТНОВОГОДНИЙ СОНЕТ

Окно узорами пристыло,
В дому еловый дух парит —
Так всё забвенно и пустынно,
Что впору с Богом говорить.

Как не пытался быть вне чисел, —
Не убежал своей судьбы..
Казалось бы, ну что случилось? —
Сменился год, сменился быт..

Сменилось всё. Иное время —
В иных пространствах и мирах.
Моя-чужая, свет не греет, —
Лишь прах и пепел от костра.

И если женщина уходит,
Уход её кому угоден?..

* * *

И время на часах. И вечность ниоткуда.
И женщина уже — моё-ничьё ребро...
Цепляться за края разбитого сосуда,
И, сидя на вещах, стеречь своё добро...

Сорваться с места и впасть в тяжкие. А после
Винить себя за всё и каяться во всём.
И тост произнесён. Нашёлся б только повод,
И он найдётся и... коль тост произнесён.

И некто за спиной: — Извольте. Рад стараться.
Но если жизнь — игра, — есть правила игры.
И мир окрест меня. И дальние пространства
В Кошцеевом ларце на кончике иглы...

* * *

Уже высоко синева в окладе октября звенит...
Уже никто не виноват, точнее, некого винить.

И безучастность глаз твоих на высохшей листве обид,
И эта осень на двоих, где ты — одна и я — один.

Без лишних слов, без долгих слёз — как эпизод в немом кино —
Грустить о том, что не сбылось, — не просто глупо, но грешно...

И лист срывается как миг, и тянет вечность за собой,
И дышит веяньем зимы...
И видит Бог.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Не скучно, не грустно... И сорок — не двадцать.
И душно. И давит. И в душу плещут.
В такую погоду не тянет стреляться,
Стреляться не тянет... А жить не дают.

В такую погоду на милой чужбине,
На родине стылой в затворной глуши
Не встретишь желанной, не встретишь любимой
За просто, за так... за такие шиши.

И хочется рифмой постылой глагольной
Хоть где-то, хоть как-то нарушить покой —
В такую погоду...

В такую погоду,
В таком измерении, в жизни такой.

* * *

Наверно, слишком неразборчиво,
Едва лишь наметав канву,
Не нарушая мира Божьего, —
Пищу. А может быть, живу.

Сорвётся лист. А следом прочие,
Как бы начертанным путём...
И надо проще — но не проще мне —
Знать точно, кто потом прочтёт,
Зачем прочтут, и будет сколько их...

Ах, Боже мой, не всё ль равно! —
Писал бы Подлинник, не копию...
Жаль, нам, убогим, не дано.

Я пережил месяц схождения с ума,
который, наверное, звался «зима»,
а может быть, просто, банально — «февраль»,
банально, поскольку сугроб в феврале
похож на скукоженный высохший хлеб,
возможно, надкушенный кем-то вчера.

Вчера были гости, и дым до утра
висел коромыслом; но это вчера,
а утро настало, как всё настаёт
когда-нибудь, словно приходит пора
пожитки собирать и съезжать со двора,
и нас, как обычно, врасплох застаёт.

Врасплох застаёт, точно некий итог —
оборванный ветром последний листок,
висящий в пространстве в преддверье снегов:
сперва декабрёй, а потом — январёй,
потом... впрочем, лучше избыть поскорей,
избавиться как от ненужных долгов,

которых, увы, накопилось с лихвой —
о радость, раз должен, наверно, живой! —
а впрочем, и раньше ведь жил и не знал,
что должен кому-то, и — должен кому...
представишь, оглянешься — всё к одному:
финал невесёлый. И всё же — финал.

Глубокая осень. Морозно и хрустно,
в пространстве отчётливо звуки слышны.
Хозяйки старательно солят капусту,
чтоб был витаминов запас до весны.

Намедни вот «крупка» просыпалась с неба,
видать, прохудилось над нами оно.
И птица-синица стучится в окно,
ей, так же как мне, — неуютно без снега.

Здесь, птица-синица, всегда тебе рады:
налажу кормушку, насыплю еду..
сам шей похлебаю..

И снега дождусь.

И всё потечёт в этой жизни — как надо.

КАРТИНКИ ИЗ ДЕТСТВА

Под окнами водили в баню «химиков».
Ещё сирень под окнами цвела...

И мир казался до того бесхитростным,
сплошь сотворённым из добра и зла.

Страна жила. И будущее строила.
Далёкое, но светлое вполне...

Район наш в просторечье звался «стройкой» —
панельный, спальный, как по всей стране.

Ещё соседа помню алкоголика,
который спать ночами не давал —
жену гонял из дома полуголую,
потом поддома песней доставал...
И засыпал к приходу участкового.
Смирен и тих. Баян под головой...

А лет мне было...
я не помню сколько...
...отец ещё — был с нами
...и живой.

ПАМЯТКА ИЗ ДЕТСТВА

Сергею Алексееву

В бору темно:
там леший бродит ли,
страх ли таится под кустом...

А за селом, за огородами —
звезда соседствует с крестом,
и в мире,
и в покое...
Кладбище —
что продолжение села...

Но в детстве всё пока что — радостно,
а где ж ещё мальцам играть?!
И ягоды по-над могилками
помянут,
слаще, чем в бору... —
и нет ни дома, ни родителей —
нет ничего уже вокруг.

Лишь холмики:
одни — с оградкою,
другие — без...
Что те миры...

И время утекло играючи
к закату...
Жизни ли,
игры?..

* * *

Снег валил густыми хлопьями,
засыпая измерение
и стирая очертания
зданий, улиц, тополей, —
будто время в некоей плоскости
заблудилось в безднах вечности
где-то в недрах подсознания,
как в глубинах галерей,
где наброски полустёртые
из заброшенных запасников —
точно кадры чёрно-белые
из наивного кино...

Зимы раньше были снежными,
птицы раньше были певчими,
даже люди были щедрыми...
Помнишь?..

Я забыл.
Давно...

Валентину Яковлевичу Курбатову

Не знаю, как у Вас, — у нас сугробы.
И снег валит обильный и густой.
Февраль. Вот-вот переметёт дороги
и на Москву.
И шут бы с ней, с Москвой.

По мне, Россия — флаг на посовете
и у пивной сыны своей страны,
за Родину, Отечество и Веру
готовые пропить последние штаны.

А поутру, без славы, без награды,
без опохмелки, мучиться виной,
что прожито совсем не так, как надо, —
перед людьми, страной и женой.

Вставать, идти работать за спасибо,
дрова пилить, потом дрова колоть...

Осталось лишь молиться за Россию..
И я молюсь.
Да слышит ли Господь?

РОССИЯ. РЫНОК. ГОД 2006-й

Рядов торговых линии: народу, как людей...
И лагерною лирикой пропитан летний день.

Пельменно-чебуречная теснится суета.
Продажная, сердешная Россия без креста...

Торговка пышногрудая: полей бескрайних ширь!..
Ах, безграничность русская!.. Эх, широта души!.. —

Как птенчик малый сжалась вся. И ноет. И болит.
И песней сердце жалобит нарошный инвалид:

«Уж мы в Чечне — в Афгане ли... на первой мировой...
Пять лет не мылся в бане я... слав Богу, что живой!..»

На землю шапка брошена... Затёртые рубли...
Эх, мать-россия-родина, тебя ли не любить?..

* * *

Утро вечера мудренее...
или мудрёнее..
Что напрямую зависит
от количества выпитого вчера.
Да ещё весна тут,
точно баба зарёванная:
то дождит, то пасмурно
с самого раннего утра.
Вот и утро... что вечер.
Слава Богу, дожили.
И опять гадаем:
будет, нет ли долгожданный рассвет.

Как мне хочется первым,
но тёплым дождиком
босиком рвануть
по молодой весёлой траве! —
Так, чтоб всё,
что мне при этом откроется,
забродило в памяти,
в самых её закромах.
Чтоб почувствовать,
здесь,
и только здесь — моя Родина!
А не грусть вселенская.
Не вселенская хмарь.

* * *

Жизнь наладится. Или разладится...
Март пойдёт по пивным и ларькам
Добродушный, по-русски покладистый
И как будто поддаётся слегка.

Воробьи облюбуют проталины
В тесноте, в суете городской.
И по-новому, будто по-старому, —
День-деньской посетит мир-мирской.

* * *

Небо синее, близкое —
Хочешь, трогай рукой! —
Даже скажешь «провинция», —
Слышишь «вечный покой».

Жизнь течёт по касательной,
Шевелясь да скуля,
Словно свечку поставили,
А зажечь не велят.

Пахнет щами с капустою
Да домашним теплом,
Да отцовским напутствием
Перед дальним крылом.

Все дороги накатаны,
И не тянет назад.
Возвращаться заказано...
Да уехать нельзя.

* * *

Хрущёвки... Небольшие дворики...
И, непременно, — тополя.
И всё размеренное, своёское,
Как вся провинция моя.

Москва... всё больше — в телевизоре,
Да и была ли та Москва?!
Да мы её на... там вот видели!..
А вот провинция жива.

Она жива — как сострадание,
Как поминальная кутя...
Ещё жива — как оправдание
Ущербности бытия.

Костёр у реки кем-то наскоро брошен,
как будто затушен, поспешно залит..
Душа, как кострище, остывшая вроде, —
не тлеет, не то чтоб горит.

Но, чу — уголёк!... или будто бы дымом —
погрезилось? — или и впрямь напахнёт?..
В смирении всяком таится гордыня,
не знаешь, когда полыхнёт.

Какие обиды? какие победы?
какие скитанья в миру?.. —
всё белым по белому писано...

Берег.

Хоть пепла в ладонь наберу...

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Ни голосов, ни отголосков
Не слышно. В том моя вина.
И тишина стоит, матросская, —
По всей России тишина.

О поле, кто тебя усеивал?! —
Спрошу у поля своего.
Но лишь безмолвие расейское
В ответ. И больше ничего.

Снега. Снега... — какого лешего,
Рожна... какого же рожна! —
Окрест Москвы одни безбрежные
Снега. Россия. Тишина...

* * *

Когда и грусть уже не в радость,
и друг устало водку пьёт
вдогонку за минувший праздник —
ну кто ему ещё нальёт? —

и ты совсем не отвечаешь
на письма частые мои, —
о жизнь, начать бы всё сначала
без радости и без любви,

чтоб всё, что было и хотелось —
но как-то так вот не сбылось —
ушло, дотеплилось, истлело,
как то Число.

Мело, мело... во все пределы.
Ещё одна свеча сгорела.

ОКТЯБРЬ. ЗАЗИМОК

Осень. Содом и Гоморра —
Хаос растленной листвы..
Грузно, как войлок промокший,
Край небосвода провис.

Города мрачные склепы.
Окон пустые зрачки.
Ниже — согнулось нелепо,
Мертвенно тело реки.

В скором предчувствии снега
Смотришь, как где-то вдали
Низкое серое небо
Брюхом коснулось земли.

* * *

Что-то листья в миру не спешат облетать,
Может, воли не хочется листьям..
Мне бы листья листать,
Мне бы осенью стать,
Мне б с какой-нибудь вечностью слиться.

Всё мирское покорно и должно приму
И останусь в согласии с миром —
Как татары в Крыму,
Как со света во тьму,
Как в постели в обнимку с немилрой...

Половицы в доме непривычно тихи..
Или — время присесть на дорогу.
За какие грехи,
За какие стихи?.. —
Одному только ведомо Богу...

* * *

Нашёл солдат в широком поле...

М. Исаковский

Я вернулся из железной бездны —
На погонах новая звезда! —
Осенил себя знаменьем крестным,
В дом вошёл...
И понял — в никуда.

Холод нерасплавленной постели
И слова жестокие твои...
Снежное пространство в запустенье:
Без тепла. Без света. Без любви.
Я спросил бы, но не дашь ответа, —
Что я в мире: жил или не жил?..

Родина, верни любовь и веру! —
Верой-правдой я тебе служил.

* * *

Лошадь белая в поле тёмном...

Н. Рубцов

Что за ночь?
Точно злое застолье,
Тьма крошечная во дворе.
То ли зеркало треснуло,
То ли,
Отворившись, скрипнула дверь...

То ли берег, заросший илом,
То ли загнанный храп коня...
То ли не было,
То ли было
В мире что-то до-после меня?

Что за этим глухим расколом
В этой тёмной глухой стране?
«Ночеваяю! Глухим покоем
Сумрак душу врачует мне».

* * *

Ненужный дар — в лавинах слов
ловить зародыши имён,
предвидя первое число
несостоявшихся времён.

И вечность, скатанная в блиц,
для неидущих по воде, —
течёт с надменностью столиц..
или наивностью идей.

И всё уходит в закрома
какой-то памяти иной:
и переходная сума,
и нерушимая тюрьма..
И даже небо надо мной.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИВАНА ШМЕЛЁВА

И прах истлел. И рядом Вечность
Скудит, как пёс, юлит хвостом..
Покоя нет на этом свете,
Да что на этом, — и на том!

Давно в былом любовь и нежность,
И Родина, и синева..
В своей земле куда роднее
Не то что тлеть, — и дотлевать.

И снова фарс... Но вы простили,
Забрезжив, точно луч во мгле.
И солнце мёртвых. И Россия.
И дважды преданы земле...

* * *

Век серебряный, медью разменной... —
впору шапку по кругу пустить...

Слава Богу, трава зеленеет
и осеннее солнце блестит
золотого, минувшего века,
словно иней на поздней траве,
точно иглы застывшего света...

Нисходящий
в забвение
век.

* * *

Свет мой зеркало, третьего дня
(ну и рожа, что после запоя) —
я вдруг понял, что нас было двое! —
ты мне снова вернуло меня.

Свет не видел подобных икон —
нет Рублёва ни рядом, ни после! —
словно поле, бескрайнее поле...
и глаза, будто бездны веков.

Сосны ли вековые в бору,
иль полынная пустошь в миру —
всё одно в Зазеркалье.

Я решил, что и впредь не умру,
но однажды проснусь поутру...
Или как бы проснусь, или как бы...

* * *

Век ли долог... иль память жестока?
Ангел мой, я растратил слова, —
ветры с Запада, думы с Востока
и дурная молва,
как трава.

В сорном поле полынь да коровник,
в сердце холод да медь сентября,
жизнь моя, — твой забытый любовник, —
кровь моя, боль моя, жаль моя,

точно сборы в глухое зимовье
иль отчаянный выстрел в висок,
даль твоя — глубока и безмолвна,
свет твой хладен, висок и жесток.

* * *

Свет погрезил... бес попутал...
А вчера в моём окне
занялась мирская пустынь...
или путь меня... ко мне?

Не лавровый, не тернистый,
как июнь, спокойный путь.
Жить бы мне лет этак триста!..
Только
столько не живут.

По-над вечностью, за бездной —
где печаль моя светла —
ворон чёрный в свете белом
распростёр свои крыла.

И даже если я умру,
а я умру...

Любая власть не по нутру,
и грусть не ко двору,
и эта жизнь моя в миру —
не ремесло,
и слишком дерзок мой поклон,
и волен слог,
среди придворных рифм —
моих
не встретишь рифм...

Но август царственный беру
в поводьери,
но вижу в вызревших полях
я стог-ночлег;
но жаль моя,
но боль моя,
но бездна лет...
я в рощи светлые пойду
по светлый бред...

И как сказал другой поэт:
— А смерти нет!

Из новых стихов
«СИБИРСКОЕ»

---

* * *

Всё, что от века мне осталось,
Я как зеницу берегу. —

Погосты вышиты крестами,
Увязшими в глухом снегу,
Равнина снежная, пустая
Чиста, как, саван и бела...

И как была Сибирь без края,
Так и осталась без числа...

Как в никуда из ниоткуда
Шагать морозно и легко! —
Торёный путь от Аввакума
И до скончания веков.

СИБИРЬ

Какая краса ледяная
Лежит на столпах ледяных!
Я родину малую знаю,
Я знать не желаю иных.

Какие бураны гуляют!
Какие ложатся снега!
Да сосны в округах стреляют,
Когда затихает вьюга.

Когда всё окрест замечает,
С погостом погост говорит...
Да птица-снегирь прилетает
И алой зарёю горит.
Озёра и реки в округах
Тяжёлым окованы льдом...

Но в горнице мышка-норушка
Сундук охраняет с добром.
Да дремлют тулуп с рукавицей...
И дед, почесав голову,
Расскажет малышам небылицу
Про чудо-юд-город — Москву.

ФОТО ФЕВРАЛЯ

Там морозная дымка, сосны в снежном плену...
На окно долго дышишь, чтоб на волю взглянуть.
Круг с ладошку оттаёт, глянешь, тихо вздохнёшь,
Что-то, может, представишь, что-то молча поймёшь.

Залегают сугробы вровень с самым окном,
Словно в самую пору — заводить разговор,
Затяжной, точно повесть, не спеша, будто сказ —
Не суетно, не споро, погружаясь в века.

Знать, что там, за снегами, за морозною мглой,
Потаённый пергамент да простое стило
Приготовлены, точно заране.

Да у ликов лампада размерцалась светло,
И сквозь Вечность на фото проступает Число,
Как вот эта реальность февральская.

ДВЕРЬ

Рассохшийся, точно встревоженный скрип...
Гость редкий, не частый,
зачем я сюда — хоть на день, хоть на миг —
опять возвращаюсь.
Не здесь ли хоть в чём-то надежда жива? —
заснеженно, тонко —
когда б ни вернулся — зима и зима,
и дальше — позёмка...

Пройти от калитки к крыльцу напрямик,
нечищенной тропкой,
Расчистить бы впору... —
как время звенит... безлюдно, негромко —
и дверь отворив,
и прервав этот звон, терзающий душу,
разбуженной двери простуженный скрип,
как память послушать...

МАТЬ

...наверна замир в етот месиж дитёнак
я нимнога задиржала ну милай нимнога пирижыть труднаст...
числа 25 апеть получиш двести рублей милай мой...

Из письма Марии Сергеевны Куксиной
Василию Макаровичу Шукшину

Мария, что на иконе,
Держит Младенца-Сына...
А сын далеко-далёко
Где-то в москве-россии.

Две Марии. Но боль одна,
Жесткосердна, что мир,
и бездонна, —
У Марии, что у окна,
И у той, что глядит с иконы.

И что за москва-россия,
что за даль их, сынов,
зовёт-манит? —
Спросить бы... Но не спросила, —
Значит, так надо...

Два мужа... и всё — в прошлом:
Один — «враг народа», второй —
Геройски сгинул на фронте,
И зажали — только-только...

Поправить забор бы надо,
Да крышу...
Ещё, вот жалость, —

Послать бы Тале* и Васе,
Да пенсию подзадержали.

Подвяжет платком спину,
Сквозит от окна стойко...
И пишет в... туда... сыну:
«Наверна замир... дитёнак...».

---

* Так в семье называли родную сестру Василия Макаровича – Наталью Макаровну.

* * *

Ограниченность комнаты —
Пат, а может быть, — мат.
Тянет по полу холодом,
Точно в доме зима.

Монотонное, резкое,
Будто точный отсчёт,
Время ходит по вечности —
Взад-вперёд, взад-вперёд.

Всё давно уже сказано,
Прощены все долги.
Только гулками каплями
Остывают шаги.

* * *

Опять гнилая осень на дворе...
Мну сигарету долго и бесцельно,
и растворяюсь в этом октябре —
как капля в целом.

С самим собой, что с небом говорить, —
где даже эхо мне не отвечает.
Курить бросаю, чтобы... начать курить,
чтобы начать бросать курить сначала...

Порочный круг желаний и обид:
мы встретились... расстанемся врагами...
И осень безысходная, как быт,
и месиво из листьев под ногами...

БЕСПОКОЙСТВА АНДРЕЕВНЫ

Как-то в связи с фильмом «Печки-лавочки» я получил с родины, с Алтая, анонимное письмо. Письмецо короткое и убийственное: «Не бери пример с себя, не позорь свою землю и нас.

В. М. Шукшин, «Слово о "малой родине"».

Всё ладно.

Соседский забор не косится.

В избе у соседки светло и отрадно...

Вот только Андреевне нынче не спится —

Ну как же так можно, чтоб всё было ладно!

Вон муж у соседки и весел, и молод,

Немного дурашлив, и вечно на взводе.

Сама молодится...

В коротком всё ходит —

И сверху, и снизу по... Словом, по моде.

Всё ладно у ней, у соседки, и складно...

За что ей всё это? — спросить подмывает.

Не спросит. Смолчит —

ну и ладно, и ладно...

Чтоб всё и всегда — всё равно не бывает.

Вздохнёт. Да из «шкапу» бумажку с досадой

И ручку достанет,

а как же, а как же...

И пишет, российский радетель-писатель,

Народный...

Вот так вот, Василий Макарыч...

* * *

С миром мир меня отпустит. И прощённый бросив взгляд,
Я уйду по тихой грусти русским в русские поля.

Где в стогу мышинный шорох, где шершавая стерня.
Тёплый ветер, будто шёпот, убаюкает меня.

Мне приснится белоснежный храм, мерцающий вдали.
Русское родное небо тихой грустью заболит, —

Словно вновь — при деле, в теме, там... Не то, что здесь, с людьми!
Только зря надеждой тешусь — не отпустит с миром мир.

* * *

Снег. И пахнет бензином в маршрутке.
Наконец-то в Сибири зима!
Россиянин – а пьяный, как русский! –
поскользнулся и – мать-перемать!..

Брат, вставай!
Поднимайся, восстанем
мы из грязи! Да топнем ногой!
Я и сам ведь немного татарин...
печенег... или кто-то другой.

То же сильно тоскую по маме
и бываю отчаянно слаб...
Тьмы и тьмы нас... теперь – россияне.
Степь
да снег,
точно белая мгла.

В городе Бийске до неба не близко.
Грузные тучи под небом плывут.
Не потому ли в городе Бийске
Тучные люди сегодня живут?..

Тучные — это не толстые чтобы..
Просто усталость в душе, как сугробы,
Где-то слежалась и душу тучнит
И отражается в слове «ничьи».

Напрочь забыты странною и Богом
Миру отдавшие лучшие годы,
Ныне, польнью российских обочин,
В душах хранят молчаливую горечь.

Родина — здесь, государство — далёко:
Не докричишься, что в храме до Бога,
В храме пустом или в поле чистом,
Всё под крестом...

Памяти Николая Шипилова

В общежитии, где ангелы гостят,
Где поэты меж запоями живут —
В этом храме, словно в Спасе на... костях... —
Но отсюда, Коля, нас и призовут...

Без повестки призовут, но точно в срок.
Перекурим, да и бросим мы курить...
Увлеклись мы, Коля, этою игрой,
Но честнее здесь сказать, чем говорить.

Ну а коли ты запел, то нужно пить,
Потому как без питья — одно враньё.
Ну а пьют здесь, как ведётся, чистый спирт,
Наливают, как известно, без краёв...

Слышишь, Коля, то басовая струна
Надорвалась, как на взлёте, и навзрыд...
И поехала-пошла. И понеслась
На пределе. На краю... Да под обрыв.

На краю — а людям слышится в раю —
Где твой голос хрипловатый зависал...
Слышишь, Коля, это ангелы поют
На твоих обетованных небесах...

ПИСЬМО КАК В 41-м

Александр Нестругину

Разгородились нынче плетнями миры:
Каждый в своём доме — как в миру...

Что там, в Великом Дону осетры
Мечут, нет ли сегодня икру?..
Будет ли вишня завтра цвести,
Словно невеста, в донских садах,
Будут ли, падая, лепестки
Снова — «любит — не любит» — гадать?
Как приживётся к сердцу привой,
Или — снова на сруб и под снос?..

Нынче, как сибиряк под Москвой,
Я с надеждой читаю письмо..
Да и как же иначе сегодня читать,
Чтобы строки душу верой прожгли! —
Что ж, нам не первый раз прорастать,
Из окопов ли, из-под земли...

Пир... или мор, тот, который глад,
Миг... или, может, век горевой?..

Слышишь, эхо глухое — «Россия, виват...»
Одиноко стынет. В полях. Под Москвой.

РУССКИЙ КОСМОС

Анатолию Краснослободцеву

В детстве, как и всем, ему мечталось
О вселенских космосах иных...

На лице — вселенская усталость,
Сплошь в морщинах века... и вины.
Иванóв, а может быть, Ивáнов,
Помнящий великое родство
По скорбящим родинкам развалин —
Там, где ныне — боле никого.

Все ушли: кто в вечность, кто оставив
Безымянный уголёк тепла, —
Жарче, чем то пламя, что мерцает
В топке ненасытного котла.

Ломит спину. Есть немного водки...
Накидать с запасом уголька,
Чтобы до утра не гасла топка,
Чтоб тепла хватило на века...

Спит хозяин. Больше нет спиртного...
Засыпая, понимаю я —
Космос кочегара Иванова
Догорает в топке бытия.

КРУГ

И светлый бред, и снежный бред,
И бесконечность пустоты..
Мои снега — как оберег,
Как холод вечной мерзлоты.

Насколько их печаль долга
И сны легки?
Ещё стоят мои снега,
Ещё крепки.

Моим снегам в моей стране
Нет края и конца..
Но Вий приходит не извне, —
Из недр Садового кольца.

Он осенён святым крестом
Из чьих-то нечестивых рук
И указующим перстом
Обозначает всё вокруг.

Четвёртый Рим горит в огне.
И ад придет. И рая нет.
Рябина светлая в окне —
Прощальный свет...

* * *

Вороний закат выгорает,
И дали тревожно пылят.
Да псы государевы лают
Цепные. В застенках Кремля.

Как будто бы око воронье
По центру заката горит,
Привычные сдвинулись сроки,
И старые смуты взошли.

Над Русью — черно и пернато,
Как будто нависла беда,
Как будто Малюта Скуратов
Сегодня вернулся сюда.

Он голову пёсью поправит,
Ухмылкой закат обагрит,
Чтоб всё непокорное — разом!
И смотрит по-пёсьи опричь...

Замкнулся круг вполне резонно —
Всё было... будет... есть всегда... —
Сибирь... промзона?.. просто зона?..
Колючка снова в три ряда.

И шмон привычный, пусть шмонают —
Мои карманы не звенят,
И заводская проходная
Куда-то выведет меня

Однажды. Может быть, из зоны,
А может статья — никогда.
Знакомо всё. И всё резонно —
В России было... есть всегда.

Всё возвращается... Но круги
Своя, что по воде круги —
У прошлого столь цепки руки
И столь долги!

И вновь периметр и вышки...
А часовой поставлен тут —
Пугать ворон унылым видом
И охранять мой скорбный труд.

* * *

Русскому историку

Сергею Исупову

Древнее поле запущено наглухо.
Ни перепутья какого дорожного,
Ни тебе камня с развилочной надписью...
Что-то застывшее... пустопорожнее.

Где же вы, песни родные росистые,
Удаль безбрежная, даль благовестная?
Гнили таёжные, хляби российские... —
Знаменье крестное.

Будто утрачена светлая заповедь
Исповедальности хлебного колоса, —
Пресное время, без вкуса, без запаха,
Время — без голоса,
Точно застыло над древнею пустошью
Скифскою Бабою в мёртвом безветрии...

Мы ли бредущие по землям запущенным
В том безвременье ли, в этом безверии?

ПРИЧАЛ

Так живу в этом мире, в котором живу,
И часами могу просто слушать траву,
Просто слушать траву, просто слышать листву.
Потому что — живу как живу...

Кто-то в мире, возможно, не слышит травы
И не чувствует шорох летящей листвы,
Это тоже вокруг, это тоже сейчас...
Так печаль заполняет забытый причал.

На причале, где лодка лежит без весла.
Где, я знаю, я помню, — здесь радость жила,
И объятия, и встречи гудели гурьбой,
Заполняя пространство и годы собой.

Там встречались, потом провожали, потом
Вслед махали рукой, вслед махали платком,
Уходили, забыв на причале печаль.
Всё как мог сохранил молчаливый причал.

А сегодня его омывает волна
И рифмуется точно со словом «одна»,
И никто не причалит к причалу сейчас —
Кто захочет печалить чужую печаль?..

ВАЛУН-МОЛЧАЛЬНИК У БИИ-РЕКИ

Были воды когда-то как воды,
Лес и славу на спинах несли...
Но текут быстротечные годы —
Оглянуся... и годы прошли.

Где осталось начало печали,
И куда нынче время течёт?..
Он лежит, будто вечный молчаливник.
И молчит, словно помнит о чём...

Обмелело вокруг, поредело,
Разошлось, как круги по воде..
Лишь молчанье не знает предела,
Да и есть ли он, этот предел?

Страницы жизни перелистывать,
как старые черновики.
Как заново. Как нечто лишнее,
отсеребрившее виски
давно.
Как нечто незнакомое,
как память генную свою,
как осень в Бодино...

...по полочкам
расставив всё, создать уют,
где всё расставленное начисто
тобою —
точно не тобой...

А всё, что дале предназначено,
«идёт, бредёт само собой»,
как бы случайно, как нечаянно,
без лишних чаяний ума...

И обрётённое молчание —
такой же дар, как жизнь сама...

В Анжеро-Судженске с анжеросудженкой
Не прогуляться рядами пассажными...
В Анжеро-Судженске горлом простуженным
строки нахлынули чистые самые.

В библиотеке уютной и маленькой
в городе маленьком Анжеро-Судженске, —
словно, как катишься с горки на валенках
к суженой-ряженой, к ряженой-суженой...

Строки — уже отстранённые, светлые,
как проходящие —
чьими-то судьбами
мимо моей остывающей вечности —
анжеросудженки...

ЦВЕТЕНИЕ

А. Г. Елфимову

Середина лета. Весть и благо.
И едины небо и земля,
И гнезятся ангелы на башнях
Светлого, небесного кремля...

Верно, нынче хорошо в Тобольске,
Кремль, наверно, только краше стал,
Вот таким однажды, волей Божьей,
Ремизов его и начертал.

И с тех пор парит не преставая,
Радуя и радостью даря
Всё округ. И, точно Русь золотая,
Купола Софийские горят.

Там — легко, свободно и высоко
Дышится, средь неба и земли,
Благодатно, верно, там, в Тобольске!
Там, наверно, липы зацвели...

РОДИНА

И надо-то малые крохи —
Трудиться во благо и для
Того, чтоб с землёй этой кровно
Сродниться в сибирских полях.

Любой норовит её всеу —
К словцу помянуть
  иль к столу,
Всяк походя судит о судьбах
России на каждом углу.

Мол, нищий копейчку кланчит,
А правит кто,
  те — веселят:
И флагами машут, и пляшут,
И пьют, и друг в друга палят.

Братаются и хороводят,
Прощают друг другу долги.
А нищий, что по цепи, ходит
Кругом. Замыкая круги.

Чем больше, — весельше и дальше...
А он всё бубнит, как всегда:
— Подайте, родные, подайте...
Родной, здесь никто не подаст!

СИБИРСКОЕ МОЛЕНЬЕ

Господи, ты нас помилуй
И защити от москвы.

Только бы поле родило,
Только бы дети росли.
Господи, мы ещё дышим
Праведным духом полей...
Только б и дальше трудиться
Здесь на родимой земле.

Только бы здесь за Уралом
Родину
вновь
не украли...

ЗВОНЫ

В Сибири зима нынче — будто в Сибири,
Уже и февраль миновал середину,
С Крещенья ещё не спадали морозы,
И все в куржаке вдоль дороги берёзы.
И чудится, эти морозные кроны —
Не кроны совсем, а застывшие звоны,
Тряхни — зазвенят, серебром облетая...

А ближе к апрелю — и сами оттают,
Наполнившись радостной, талой весною
И силой живою, и силой земною,
И вдаль поплывут по-над лесом, над полем
На светлую волю...
На вольную волю.

* * *

Ивану Литвинову

Знаешь, слова — это только слова.
Лучше молчание... Лучше по краю —
Где проявляется степень родства
И сопричастности почвам и травам.

Где эта дивная воля дана,
Краешком неба порезавшись словно,
Знать, «Отче наш...» — есмь сама тишина,
Точно тобою искомое Слово...

О ТВОРЧЕСТВЕ С. ФИЛАТОВА

Игорь Пантюхов

«Снегири на окно прилетели...»

(из предисловия к книге «Деревья», 1989 г.)

...Своейравную, не похожую ни на какие другие, речку напоминает мне творческое движение Сергея Филатова.

Чем подкупают, покоряют неотстоявшиеся, угловатые порой строки Сергея? Меня задели они своей непоказной, глубинной, я бы даже сказал, стеснительной человеческой добротой. Не только по отношению к людям, но и ко всему живому. Сострадать всему сущему на земле — вот, по-моему, удел истинной поэзии. И этот беззвучный призыв к состраданию — не к жалости! — Сергей Филатов сердцем своим услышал.

*Сколько помню бабу Надю — всё болела,
всё лежала, вышивала кружева.
От её работы в горнице светлело,
а она не уставала вышивать!*

Ни одной трагической нотки не слышится в этом запеве к короткой исповеди о долгой и многотрудной человеческой жизни, а утасаящий свет незнакомой, но доброй души бабы Нади уже коснулся и моего сердца.

*Ходим-бродим,
считаем ворон,
рассуждаем на сельские темы, —
как-никак — деревенская кровь
в избалованном городом теле.*

И опять — ни здесь, ни далее С. Филатов не клянётся в любви к земле, не винится, как это стало модным сейчас, перед нею, а добрая, непреходящая связь с кормилицей нашей освещает всё стихотворение.

Апофеозом сострадательной темы в стихах С. Филатова звучит, на мой взгляд, стихотворение «Снегири на окно прилетели...» — об умирающем от гангрены соседе по палате:

*«Мать!.. Сестрёнка,
ну что-нибудь сделай!» —
На окне, словно бред, — снегири.
Снег белее больничной постели.
Только ты говори,
говори...*

В этой неоконченности, которая, кстати, присуща большинству стихов С. Филатова, есть то самое «чуть-чуть», которого должно недоставать истинной поэзии, чтобы заставить меня, читателя, сопереживать вместе с автором...

Николай Штилов

«Душа и мир живут в покое»

(из предисловия к книге «В свете участи земной...», 1994 г.)

Вначале я узнал слово, слово в стихах Сергея Филатова, и оно утешило меня своим озёрным спокойствием, своей горькой сдержанностью, приятной негромкостью и узнаваемостью русской интонации.

Потом я узнал и самого поэта: он и его стихи Едини.

* * *

*Листья срываются медленно
С чутких притихших осин.
Что-то, должно быть, изменится,*

*И — ничего не спасти.
Повода нет для отчаянья,
Есть только светлая боль.
Всё хорошо, что кончается
В срок, отведённый судьбой.*

Стихи Сергея Филатова не разрушают мира, они, как старая песня, узнаваемы, и новое в них — лишь сам человек, поющий дедовскую песню.

Именно сейчас, в конце нашего безумного времени, ненарочитая, природная, родовая чистота мироощущения и чистота помыслов Сергея Филатова неоценимы как явление, достойное милости читателя. Стихи, в конце концов, пишутся не для литераторов и даже не для читающей публики. На мой непросвещённый взгляд, стихи — это вечный отчёт перед Господом Богом нашим о состоянии дарованной Им Души, о направленности дарованного Им таланта. Возможно, что устами каждого поэта говорят все те, безмолвные, что жили и умирали до нас.

Может быть, это единственная зримая, слышимая и чувствуемая нами реальность ушедших.

*...Ведь на этом древнем белом свете
Жизнь прожить и кануть — не впервой.
До костей пронизывает ветер.
И скорбит оркестрик — духовой...*

Сдаётся, Сергей Филатов ещё не знает всей глубины своего дарования. Но написанное им на сегодня и опубликованное в этой книжке — многообещающе и радостно, несмотря на чёрные порой мазки...

Всеобщее личное

(из предисловия к книге «Тверской 25, Добролюбова 9...», 1996 г.)

..Мне кажется, Сергей счастливо избежал искушения одобрением и критикой: что-то разумом принималось, что-то нет, но в любом случае не приобретало довлеющего значения. Потому и голос, природой поставленный, развивался не по правилам ремесла, а по законам становления души — процессу отнюдь не прямолинейному...

Мир творчества Сергея Филатова — напряжённая внутренняя рефлексия, фиксация светотеневых бликов, погружение в пограничное состояние не как нечто кратковременное, а как в естественную, единственно необходимую среду, в контексте которой только и возможно понимание — жизни, находящихся рядом, себя...

«Познав меня, ты сам есть часть меня...» — слышим ли мы отголоски хемингуэевского колокола, единого для всего человечества?.. Сегодня, когда слово «духовность», произносящееся через запятую в современном лексическом наборе, сведено до обыденности?.. Когда в невероятной переоценке искренность становится предосудительной, а повальное безверие — во что-либо, в кого-нибудь — сделало нормой опустошающую некоммуникабельность?.. Поэзия С. Филатова — преломлённое через призму души время. Однако ценность — не в отражении, а в возникающей мотивации познания собственного внутреннего мира в его неповторимой значимости. Уберём же защитные «фасады», пусть свободно войдёт в нас Слово:

* * *

*По тонкому свету минувшего дня,
По шелесту ясной листвы в сентябре
Когда-нибудь кто-нибудь вспомнит меня
Как неторопливую тихую речь.*

*Как светлую грусть. Как вечерних берёз
Багряный настой.
Как имя земли изначально — Русь.
Когда-то потом...*

Владимир Башунов

(альманах «Розмысл», № 2–3, 2000 г.)

Среди пёстрого и нестройного смешения стихотворных подборок в журналах ли, в появившихся ли у нас в последнее время полусамодеятельных литературных газетках стихи Сергея Филатова всегда обращали на себя отдельное внимание, притягивали, к ним хотелось вернуться, как следует взглядеться и вслушаться. Его выговор не смешивался с другими, он не разменивался на ходульные приёмы и построения. «Боязно всё без остатка понять», — писал Сергей в прежних стихах. Действительно боязно. Эта боязнь, слава Богу, сохраняется в нём сегодня и оберегает от нивелировки. В новых стихах слышна внутренняя сосредоточенность, они стали глубже и драматичнее по состоянию, выразительнее по исполнению, чище по огранке...

Валентин Курбатов

(из письма, 2006 г.)

...С благодарностью посмотрел Ваше «Число». Прав был Володя Башунов, предложив Вам это название, — всякое слово и самого простого дружеского свойства, и горького общего исполнилось значения и «свидетельства» в порядке человеческих дней. Слово Ваше спокойно и твёрдо и не рядится в чужое платье, хотя бы оно казалось и наряднее своего...

Сергей Максимов

(из письма, 2009 г.)

Серёжа, здравствуй! Прочитал на одном дыхании твою книгу. Почему-то хочется сказать: береги себя! Есть какое-то такое качество в стихах, когда чувствуешь боль автора. И чувствуешь агрессивность окружающей среды. Так показалось. Я совсем не говорю о стихотворчестве как таковом... Всё и так понятно. Хорошо! Просто почувствовал качество другого рода. В стихах, над стихами, выше их и вокруг – ПОЭЗИЯ...

Михаил Андреев

«Боязно всё без остатка понять»

(из книги М. Андреева «Потому что нельзя», 2011 г.)

*Невозможно остаться никем,
Неизбежно — остаться. Диктую
По скрещению вен на руке,
По слиянию Биш с Катунью.*

Так параллельно мысли и чувству идут строки поэта из Бийска Сергея Филатова, иногда с такой тяжеловесностью, что организм говорит, что на сегодня поэзии хватит.

*И бряцает цепью тяжёлой
Февраль... или лёс на дворе.*

Или продолжая ту же мысль так, что даже у изощрённого читателя мурашки могут пойти по руке.

*...и покой на свете том,
что октябрь на этом свете.*

Масштабность и лиричность — вот стрелы поэта, которые летят прямо в сердце.

*За полночь. Кто-то невидимый ахает,
Вечности близкой темнеет нора.
Время уходит короткими взмахами
И на Земле — ни кола, ни двора.*

Лиричность — важный элемент воздействия. Когда мысль ещё не сформирована, а чувства уже бушуют в душе читателя.

*Слово, как влажную марлю, прикладывает
на оголённую рану вины...*

Стремление к совершенству и сомнения — вечернее вдохновенье, вот чем живёт поэт. И вот как он пишет:

*Чтоб, как река, утратив берега,
утратить всё: пространство, время, имя.*

Главное, этому веришь. Веришь в эту непридуманность:

Я, как стакан, — до дна. Я вымолчан...

Это интересно, это продавливает, задевает. Поэт разнообразен, зримо-конкретные детали уходят в бесконечность, влекут за собой.

*Ночь города в окно посеяна
С есенинской похмельной нежностью.
Раскинуто бельё постельное,
Как Русь безропотная, снежная.*

СОДЕРЖАНИЕ

Страна одинокого снега (Н. Ягодинцева)..... 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из книг «Деревья», «В свете участи земной...»,
«Тверской, 25, Добролюбова, 9...»

«Ну, вот и февралю настал черёд линиять...»	14
«А жизнь оптимистична, чёрт возьми...»	15
«Звонкий говор сорок разнится...»	16
«Смотри, проклюнулась капель...»	17
«Оттепель. Кот на окне...»	18
«Сколько помню бабу Надю – всё болела...»	19
«За паромом женщина кричала...»	20
«Мой путь лежал за дальний окоём...»	21
Таёжное	22
Холодное утро	23
«Друг мой, нынче опять не поётся...»	24
«Друзья уходят понемногу...»	25
«Гроздь рябины кроваво-чёрная...»	26
«Как мало от всего осталось...»	27
«Ещё безлюдно. Нет добра и зла...»	28
«И утро чудесное, словно...»	29
«Я соберусь. Но хлеба не возьму...»	30
«Над захолустной нищей грустью...»	31
«Спозаранку. С утра. Каждодённо...»	32
«Опять народ толпится в храме...»	33
«Усталые глаза моей соседки...»	34
«Глядеть на весёлые цены...»	35
«Метёт позёмка с поволокой...»	36
«В чаду вороньем, в чёрной пене ли...»	37
Октябрь 89-го	38
«Мы – прихожане, мир – приход...»	42
«Жёстко нынче спать стелю...»	43
«Душа – бродяжка, нищенка, воровка...»	44
«Словами глупость прикрывают...»	45
«Воет. Вьюжно...»	46

Контуженный.....	47
«Приговорён к своей России...».....	48

Из книги «Число»

«Я с каждым мысленно простился...».....	49
«Тихо струится дорога...».....	50
«Буксир упирается — тянет...».....	51
«Листья срываются медленно...».....	52
«Как глубоко и нерушимо...».....	53
«Через село лежал большак...».....	54
В заброшенном храме.....	55
«Путник ушёл незнакомой тропой...».....	56
«Скрепление времён, стечение судеб...».....	57
«Луч трепетный невесть откуда...».....	58
«Так горчат твои губы осенние...».....	59
«Бор царственно высок. Река лежит в тумане...».....	60
«Край небосвода высветлен слегка...».....	61
«Луч световой, остёр и тонок...».....	62
«Над омутом неясная тоска...».....	63
Подснежники.....	64
«Душа качнётся над обрывом...».....	65
«Я смотрел. И глаза мои землю прожгли...».....	66
«За тридевойтой дальней тьмою...».....	67
«По тонкому свету минувшего дня...».....	68
«Светоносная, первая, тайная...».....	69
«Давно так не хотелось праздника...».....	70
«В позднем воздухе серая сырость...».....	71
«Изморозь звёзд над юдолью земной...».....	72
«Тишина, словно следствие выстрела...».....	73
На остановке.....	74
«Гори, гори, моя свеча...».....	75
«Если жить одним лишь прошлым...».....	76
«Промозглый бесконечный ветер...».....	77
«Давай погадаю, касатик...».....	78
«Сонно и тихо качает...».....	79
«Прямые, словно чувство долга...».....	80
«Крик журавля. Конвой души и грусть...».....	81
К Родине.....	82

«Всё, что теплилось в слове "Россия"...»	83
«Не свобода, но рабство. Тяжёлые крепкие цепи...»	84
«Точит древняя грусть по родному...»	85
«Ни сверчка во вселенском омуте...»	86
«Вёсла ложатся короткими взмахами...»	87
«Есть свойство странное в просторе...»	88
«Слово, как влажную марлю, прикладывать...»	89
«Ты помнишь, с какого вокзала...»	90
«Витязь очнётся в степи. Коршун сужает круги...»	91
«Хладный покой вековечного бора...»	92
«Невозможно остаться никем...»	93
«Знаешь, я не то чтобы лгу...»	94
«Послевоскресный серый день...»	95
«Друг мой, снова я остался не у дел...»	96
«На вокзале железнодорожном...»	97
«Я сделал плохое деянье...»	98
«Февраль обложил, что тоска вечерами...»	99
«Круг очерчен. Молитва пропета...»	100
Сибирское	101
«Вот и строки усталые...»	102
Родной	103
«Опять судьба меня не балует...»	104
«Первый снег. Ступни босые...»	105
«Жезл в стороне. Лишь Бог и данность...»	106
«Имперское лето хоронят...»	107
«Нет России, как нет Москвы...»	108
«Сентябрь. Где же щедрость осени...»	109
«Стряхнуть, как сор, остатки века...»	110
«Видно, вот он, Калинов мост...»	111
«Всё ниже голова склоняется...»	112
«Свет очищенный, свет дочерний...»	113
Снегопад	114
«Осень. Чёрная вода...»	115

Из «Светлой книги»

«Вся жизнь разъездная, шальная...»	116
«У соседа запой. Я его понимаю...»	117
Почти бодрое, новогоднее	118

«И тусклые углы в глубинах мерцают...»	119
«Долго слушал февральскую вьюгу...»	120
«И вот февраль. Как некий перевал...»	121
«...прошло, пронеслось, отболело...»	122
«Остался приход без догляда...»	123
На стыке веков	124
На могиле отца	126
«В укромном схороне Алтая...»	127
«Пишу тебе письмо. И вижу — как вживую...»	128
«Скрипит под ногой половица...»	129
«Август — что поздняя вера...»	130
Письмо в прибалтику	131
Ожидание снега	132
Песня	133
Форосская церковь	134
«Покидающий землю обрящет покой...»	135
Возвращение	136
«Знаешь, видно, сказалась усталость...»	137
«Как всё когда-нибудь кончается...»	138
«Мир безлюднее стал и мудрее...»	139
«Вот и закончилась эта зима...»	140
«Заманили куда-то...»	141
Качели	142
«Как медленно плавают листья...»	143
«Не измеришь осени глубин...»	144
«И облака — в миру паломники...»	145
Вербное воскресение	146
«Тихая заводь июльского лета...»	147

Прощание со «Светлой книгой»

1 июня	148
«Я пришёл, как и было предсказано...»	149
Истоки	150
«Как и всё — по жизни бестолковой...»	151
«Я тебя узнаю... или знаю...»	152
«Август. Душа засыхает, как листья...»	153
«Лето пройдёт. А с летом кончится торжество...»	154
«Первый снег. И запах мышьяка...»	155

«Начало дня. Как одного из дней...»	156
«Так женщина, отвергнув нежность...»	157
Постногодний сонет	158
«И время на часах. И вечность ниоткуда...»	159
«Уже высоко синева в окладе октября звенит...»	160
Перед грозой.	161
«Наверно, слишком неразборчиво...»	162
«Я пережил месяц схождения с ума...»	163
«Глубокая осень. Морозно и хрустно...»	164
Картинки из детства.	165
Памятка из детства.	166
«Снег валил густыми хлопьями...»	167
«Не знаю, как у Вас, — у нас сугробы...»	168
Россия. Рынок. Год 2006-й	169
«Утро вечера мудренее...»	170
«Жизнь наладится. Или разладится...»	171
«Небо синее, близкое...»	172
«Хрущевки... Небольшие дворики...»	173
«Костёр у реки кем-то наскоро брошен...»	174
Классический пейзаж	175
«Когда и грусть уже не в радость...»	176
Октябрь. Зазимок.	177
«Что-то листья в миру не спешат облетать...»	178
«Я вернулся из железной бездны...»	179
«Что за ночь...»	180
«Ненужный дар — в лавинах слов...»	181
Возвращение Ивана Шмелёва	182
«Век серебряный, медью разменной...»	183
«Свет мой зеркало, третьего дня...»	184
«Век ли долог... иль память жестока...»	185
«Свет погрезил... бес попутал...»	186
«И даже если я умру...»	187

Из новых стихов «Сибирское»

«Всё, что от века мне осталось...»	188
Сибирь	189
Фото февраля	190
«Дом брошенный...»	191
Дверь	192

Мать	193
«Ограниченность комнаты...»	195
«Опять гнилая осень на дворе...»	196
Беспокойства Андреевны	197
«С миром мир меня отпустит...»	198
«Снег. И пахнет бензином в маршрутке...»	199
«В городе Бийске до неба не близко...»	200
«Если выпить слегка для храбрости...»	201
«В общежитии, где ангелы гостят...»	202
Письмо как в 41-м.	203
Русский космос	204
Круг	205
«Вороний закат выгорает...»	206
«Замкнулся круг вполне резонно...»	207
«Древнее поле запущено наглухо...»	208
Причал	209
Валун-молчальник у Би-реки	210
«Страницы жизни перелистывать...»	211
«В Анжеро-Судженске с анжеросудженкой...»	212
Цветение	213
Родина.	214
Сибирское моление	216
Звоны	217
«Знаешь, слова — это только слова...»	218
О ТВОРЧЕСТВЕ С. ФИЛАТОВА	219